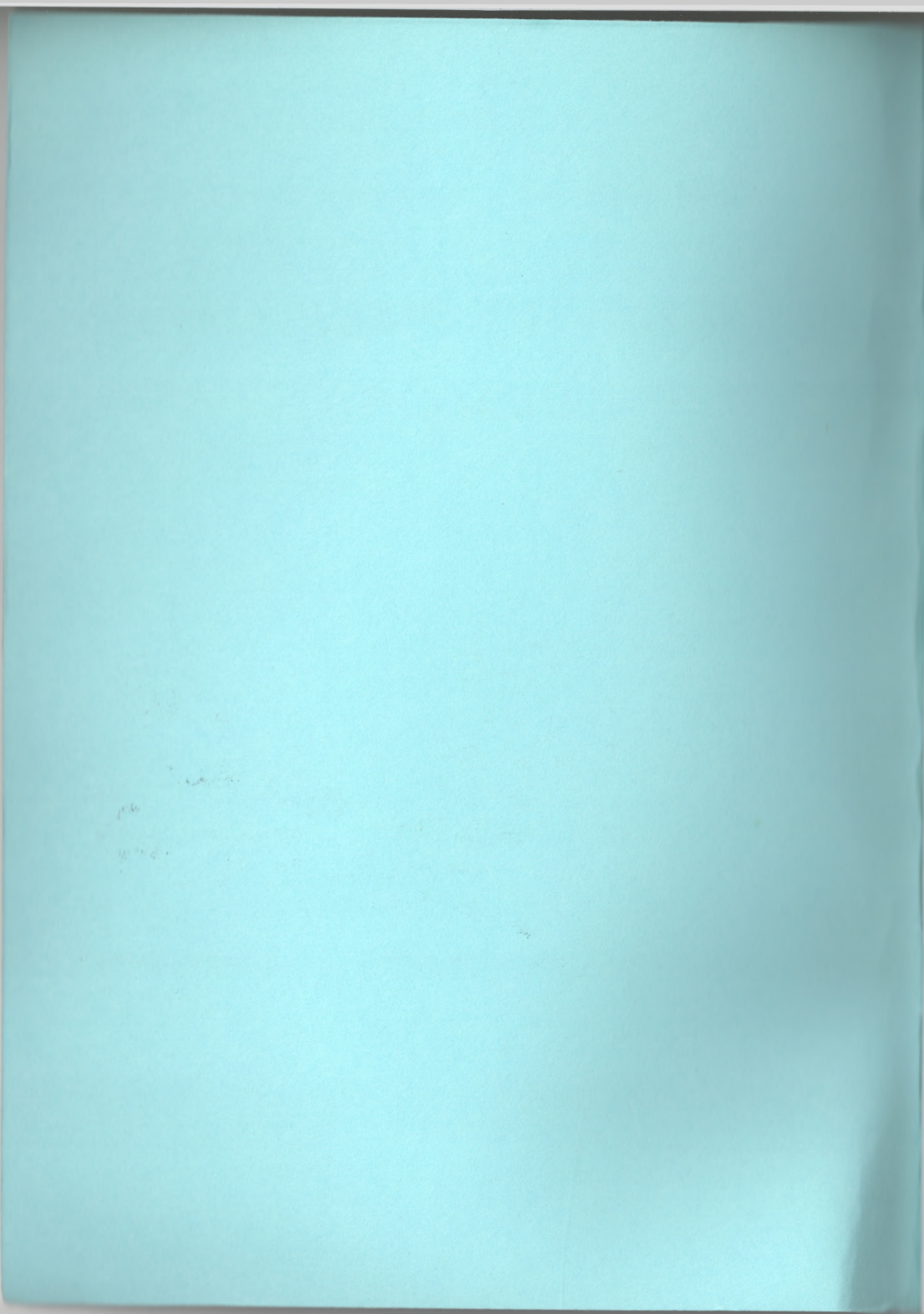

Ф.В. Полосинов

*Я прошу тебя,
память...*

с. Нины
2015г.

Ф.В. Полосинов

Я прошу тебя, память...

стихи и поэмы

*с. Нины
2015г.*

Фёдор Васильевич Полосинов

(1930-1999гг.)

Фёдор Васильевич Полосинов родился в 1930 году в селе Нины Советского района Ставропольского края в крестьянской семье. Окончил начальную школу. Дальнейшее обучение было невозможно в связи с трудным материальным положением: отец погиб на фронте, мать – на группе по инвалидности. Помогал дома по хозяйству, позже пошёл учеником в сапожную мастерскую, затем работал в лесозащитной службе, совмещая с учёбой в вечерней школе, окончил 7 классов. После – служба в армии, Зеленокумское ПТУ, работа механизатором в колхозе. Заочно окончил Брянский строительный техникум, отделение промышленного и гражданского строительства. Работал на стройках Сибири, на прокладке железной дороги Абакан – Новокузнецк, на объектах Ставрополя. Десять лет руководил коллективом РСУ объединения «Ставропольремстрой» в городе Зеленокумске. В последние годы работал главным инженером на заводе по производству красного кирпича, откуда и ушёл на пенсию.

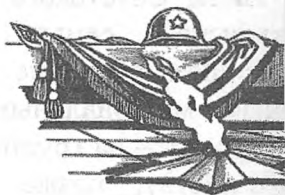
Свои первые стихи начал печатать в семидесятые годы на страницах районной газеты. В поэтическом творчестве предпочтение отдаёт военно-патриотической и исторической тематике.

В 1999 году в возрасте 69 лет нелепая трагическая случайность оборвала его жизнь.

СТИХИ О ВОЙНЕ

Я прошу тебя, память...

Я прошу тебя, память,
На коленях прошу...
Сохрани мне, как знамя,
То, что в сердце ношу;
Сохрани честь и совесть,
В три погибели гни,
Чтобы в щепки кололись
Все пороки мои...
Чтоб из кучки безликой
Хам не вскрикнул мне вслед:
Братцы! Братцы!
Гляди-ка,
Он ведь тоже «хамлет»!
Сохрани твёрдость духа
Для грядущего дня,
Чтобы хлеба краюхой
Не купили меня...
В эту трудную пору
Дай терпенья и сил
Чтоб не «сгорбиться» скоро
Под пятой воротил.
Сохрани во мне, память,
Веру в добрых людей,
Пусть горит это пламя
До конца моих дней.
Сохрани и от злобы,
От цинизма и лжи
И когда-нибудь к гробу,
Как венок положи!

Мамаев курган

Как доблесть, как скорбь,
как седой ветеран,
Стоит в Волгограде
Мамаев курган.
На этом кургане нет пяди земли,
Которую порох и сталь не прожгли.

На этом кургане нет пяди земли,
Земли, не пропитанной
 кровью солдата.
На этом кургане они полегли,
Чтоб мы не видали
 кровавых закатов.
И высится он над могучей рекой,
Храня нашу память
 и вечный покой
Героям, погибшим
 в жестокой борьбе,
На этой священной
 приволжской земле.

Не спят руины на холме

Не спят руины на холме.
Они всегда в горниле боя,
Как будто павшие в огне,
В сраженье вечном, без отбоя.
И скрежет мин, и шквал свинца
Надрывно стонут над солдатом.
И словно вижу я отца
На серых глыбах с автоматом.
Он устремлен куда-то вдаль
В нем слились ярость и отвага...
Здесь на холме горела сталь,
Горела просто как бумага.
А люди шли стеной вперед,
Они казались крепче стали.
И неповерженный народ
Гранитом шел на пьедесталы.
Не спят руины на холме.
Они всегда в горниле боя,
Как слава вечная героям
И как проклятие войне.

Ветераны

Лишь в песне душой не сдают
ветераны...
Их старят и годы, и мучают раны.
Но встретишься с ними
и видишь всегда
Не старость, а те, огневые года:
Пожары, руины и слезы, и горе
От Черного моря до Белого моря.
Дороги, развилки, броски, переходы;
Под градом свинца переправы
и броды;
Атаки, бомбежки, холмы и высоты.
Залитые кровью, покрытые славой
Под Курском, Орлом,
под Москвой, под Варшавой;
Леса и болота, окопы, землянки,
Сквозь нити прицелов фашистские
танки.
И чудится-грезится — сон ли то,
быль...
Вглядишься в них: волосы, словно
ковыль,
С полей Куликовых
изрытых,
кровавых.
И вид их не тот уж, и в лицах усталых
Следы обозначились недугов старых.
Но в души заглянешь, обмолвишься
словом
И видишь не старость опять же,
а снова
И снова сквозь бронзу медалей
Встают пред глазами дымящие дали,
Безлюдные села, сожженные срубы,
Как призраки, в небо торчащие
трубы,
Измятые пушки,
лафеты,
колеса;
Жужжащие пули, как пчелы у носа,
И мин завыванье,
и скрежет снарядов,

У многих и немощь, и раны болят,
Но встретишься с ними – в них видишь
солдат,

Тех юных,
задорных,
горячих,
смышленных,

Так рано жестокой войной опаленных.
... Уходят все дальше те дни фронтовые,
Стареют, стареют друзья боевые,
Уходят из жизни так тихо и просто.
Да будет их праху покой на погостах.
И подвиг героев в земле не зарыть
Он будет веками в Отечестве жить.

Я помню...

Я помню: немец долговязый,
Таская шлем за ремешок,
(Пустые) хилые курники облазав,
К подростку - брату подошел
И извращенным языком:
Ё, руссии, яйко, молёко?
А брат съязвил ему в ответ:
Ни молёко, ни яйко нет

Я помню, как пели «Катюшу»

Я помню, как пели «Катюшу»
Буквально на каждом шагу.
Запала она в мою душу,
Ее я забыть не могу.
Когда не хватало нам ситца
И тысячи ста мелочей,
Но песня звучала, и лица
Смягчались и были добрей.
В любом отдаленном краю
«Катюша» подругою верной
Шагала со всеми в строю.
Спускалась в забой к
шахтерам,
В сердцах красноармейцев

жила,
Рабфаковским шла
коридором,
Вершила на стройках дела.
И в трудные годы разбоя
Чумной, оголтелой орды
От Волги до Одера с боем
Она проложила мосты.
И даже разруху и горе
Она помогала лечить.
Так разве я вправе такое
Когда — либо в жизни забыть?!

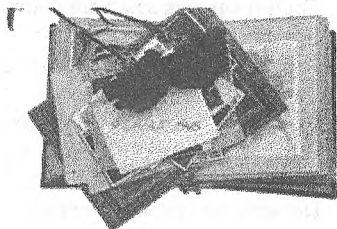
Война закончилась...

Война закончилась. Солдаты
Пошли домой со всех фронтов.
Их провожал до каждой хаты
Прискорбный взгляд несчастных вдов.
Истосковавшись, обнимали
Они детей и жен своих,
А рядом сироты стояли,
Смотря, потупившись, на них.
О, сколько было в детских душах
Обид и горечи живой!
Лишь годы эту боль приглушат,
Но память с прежней остротой
Еще не раз вернет их к детству,
И снова, снова — как ни жаль —
Приснится счастье по соседству,
А в доме собственном — печаль...

Никто не забыт, и ничто не забыто

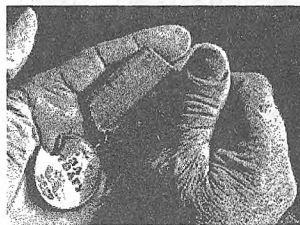
Никто не забыт, и ничто не забыто:
Живут имена их на плитках гранита;
В названиях улиц, проспектов, дворцов
Живут имена и бессмертье бойцов.
Героическая летопись жарких сражений
Живет, не смолкает в сердцах поколений.

И каждый готов за Отчизну свою
Всегда повторить этот подвиг в бою.
Никто не забыт, и ничто не забыто.
Мы знаем: с земли еще нечисть не смыта...
И нынче порой их кровавые планы
Тревожат с войны не зажившие раны.
И Штраус, и Форстер, и «янки», и «смиты»...
И прочие ярые ультрабандиты
Хотели б историю вспять повернуть —
Об этом, солдат, никогда не забудь!
Никто не забыт, и ничто не забыто:
Растут города на окопах зарытых,
Сияет лазурью нам мирное небо,
Родные поля наливаются хлебом.
И варится сталь, и рождаются дети,
И крепче становится мир на планете!
И в поиске вечном страна — следопыт...
Ничто не забыто! Никто не забыт!

Он был солдат в войне кровавой.

Он был солдат в войне кровавой,
Был нашей славой боевой.
Теперь забыт родной державой
Сидит с протянутой рукой.
Седую голову склоняя,
Вот этот, спасший мир солдат,
Сидит, как боль души живая,
Как признак нравственных утрат.
В его глазах — предел страданий...
Три медяка лежат в руке.
И, как укор, блестят медали
На мятом старом пиджаке.
И никому нет дел до старца.
Торчит он, как замшелый пенёк
Среди бездушия и хамства,
Кляня свой тяжкий, черный день.
За что ж ему такая доля,
Скажи — □А, преуспевший люд,
В какой стране так чтят героя
За беспримерный ратный труд?..
Неужто заслужил он право

На исковерканную жизнь?
Очнись же, нищая держава,
Перед солдатом повинись!

Может быть...

Может быть, неизвестная
вам
За грядой океанской волны.
Может быть. Может быть.
Только нам не забыть
неизвестной войны,
Мы сражались за каждую
пядь,
Не жалея ни крови,
ни жизни,
Мы устали могилы копать
На поруганных землях
Отчизны,
Может быть, Вашингтон
и Пекин
Не слышали подобных
названий,
А для нас Бабий Яр,
и Хатынь
Остаются кошмарными
снами.
Наши матери слепли
от слез,
Мы к станкам становились
с пеленок.
Каждый день этой бойни
нам нес
Неуемную боль похоронок.
Каждый день прибавлял
нам сирот.
Каждый день — это пытки
и петли.
Каждый день мы считали
за год.
Каждый год нам казался
столетием.
Мы запомнили все навека.
Не бывает войны

неизвестной.
Над землю плывут облака
Недопетой солдатской
песней...

Отчизна победой дышала

Торжественным маршем звучал он,
Тот ласковый, солнечный май,
Отчизна победой дышала
И гордость лилась через край.
Светились улыбками лица.
И вновь оживала земля.
Кидали штандарты в столице
К зубчатой ограде Кремля.
Знамена гвардейские рдели,
Прошитые в битвах свинцом.
И гроздя сирени летели
На площадь в колонны бойцов.
Звучали команды сквозь рупор,
И сводный оркестр играл,
На белом коне маршал Жуков
Победный парад принимал.
И радость, и горькая доля
Слились воедино в тот час,
И слезы и счастья, и горя
Невольно катились из глаз.
Победа, добытая кровью,
Была и печалью людской
И пили одни за здоровье,
Другие — за упокой.
...Теперь и дымящие дали,
И послевоенный парад
Давно уж легендою стали,
Как сам победитель — солдат!
Но все величайшие битвы
За многострадальную Русь
Мы помним, как пастырь молитвы,
Как школьник букварь наизусть.
Полвека для вечности мало,
Их вечность в расчет не берет,
Но подвиг, овеянный славой,
И вечность переживет.

СТИХИ О РОДИНЕ

Милая Родина

Выйду я в поле, просторы бескрайние,
Далью безбрежной упьюсь...
Пусть прошумят мне березоньки ранние
Песню про милую Русь!
Там, за прудом, под ковыльными волнами
Спит невысокий курган,
Трижды изрытый минувшими войнами.
Стонет и ныне от ран...
Выйду я к этому месту, пропахшему
Кровью и дымом в бою,
В знак благодарности воину павшему...
Голову низко склоню.
В час испытаний, в минуту забвения
Высказать я не боюсь:
Ты для меня — ореол вдохновения,
Милая Родина — матушка Русь!

Склоняю голову покорно

Склоняю голову покорно
Не перед разумом «светил»,
А перед тем, кто бросил зерна
И на земле хлеба взрастил.
Кто смастерил сосуд из глины
И прокалил его огнем,
Кто первый сруб из древесины
Срубил кургузым топором,
Кто первым добыл сталь и золото,
Вгрызаясь в твердь железных гор,
Кто полотно соткал когда-то,
Кто первым дичь привел во двор;
Кто шел нехоженой тропой
Через невежество и гнет,
Подчас рискуя головою,
Вел к просветлению народ.

Кто она?

Пусть кто-то скажет, что Колумб
Не открывал Америку,
Скорей мы «выбьем ему зуб»,
Чем вступим с ним в полемику.
Хотя с Колумбом мы, друзья,
Не знали чести видеться,
Однако ей благодаря,
Он сквозь столетья глыбится.
Из скрытых далями времен,
Ее крутыми тропами
И Архимед, и Цицерон
В двадцатый век притопали.
Кто знал бы хана Батя
С его ордою тьмушею?
Кто знал бы суши и моря,
Открытие Веспучио?
Кто знал бы жизнь веков?
Пути добра и подлости?
-Спроси, попробуй, стариков
В тысячелетнем возрасте...
Кто были б мы, - не будь ее,-
В людском корней сплетении?
Одно двуногое живье
Без рода и без племени.
Так назовите, кто ж она
И как ее величество?
Лихие помнит времена,
Паденья, взлеты, имена
Владык и их владычества?..
И, если вспомните, спросите
Себя, соседа, внука, дочь
Всегда ли мы времен владыке
Готовы первыми помочь.
Не рвать страниц, не марать,
Не пачкать славу дней иных
Ведь не простит Отчизна-мать
Забвенья отчей старины.

Пока будет армия — будет Россия...

В далеких двадцатых в сраженьях тяжелых
Она зарождалась под Нарвой и Псковом.
Раздетая, босая, в лютую стужу
Рабоче - крестьянская красная рать,
Надежда народа, опора Союза,
Мужая училась врагов побеждать.
Но самой вершиной, мерилom уменя,
Геройства и стойкости наших солдат
Считались и будут считаться сраженья
За доблестный город-герой Сталинград,
За нашу столицу (мы вправе гордиться),
За всю нашу землю,
За мир и покой.
За все, с чем пришлось нашей армии биться,
Как в песне поется:... «С проклятой ордой».
...Мы мирные люди.
Но мир — это сила.
А сила да с мудростью - это сверхсплав,
Пока будет армия — будет Россия
Могучей державой среди прочих держав.

Веснину

Под ширму врагов, диверсантов,
Троцкистов и прочий абсурд
Загублено столько талантов,
Что волосы дыбом встают.
Так склоним пред ними колени.
Пусть судят нас память и стыд
За то, что загублен Веснин;
За то, что был Пушкин убит;
Что Лермонтов пал на дуэли;
За то, что весь цвет на корню
Рубили, как рубятся ели,
Ворьем к новогоднему дню.

Музей

Живая память в этих стенах,
 как сон седая старина,
Сквозь призму лет заиндевелых
Передо мной встает она.

Бердянка чья-то на стене.
Какие могут быть вопросы?
Весь этот скарб сидит во мне.
И это так. Но суть не в этом.
Музей - есть храм, и я молюсь
Его бесхитростным предметам,
В которых выстрадана Русь.
И не за тем он есть, музей,
Неважно где, в Москве иль в Нинах,
Чтоб в нем слонялся ротозей
С прокислой деланною «миной»...
А для того, чтоб знали мы
И знали все за нами,
Какими долгими путями
Шли наши прадеды из тьмы.
Чтоб каждый знал родное древо.
Откуда, как оно росло.
Чтоб за живое нас задело
Отцов и дедов ремесло.
Чтоб в самобытнейших твореньях,
В патриархальной старине
Черпали мудрость поколенья,
Любовь и преданность Земле.

Ты — журналист!
(посвящается памяти Влада Листьева)

Ты — журналист!
И карты в руки:
Глаголом жги сердца людей.
Терпи гоненья, склоки, муки,
Разгул террора и страстей.
Ты — журналист! -

судьбой и богом
Наречено тебе пройти
По всем нехоженным дорогам
И все тернистые пути.
Ты должен знать:

свобода слова -
Не панацея от всех бед.
Уж не один в гробу сосновом
За правду сгинул на тот свет.
Но в половодьях беспредела,

Родные лица...

с фотостенда

В косоворотках, в картузах.

Глядит, глядит сама легенда

Мне в повлажневшие глаза.

Их триста с лишним...

в сорок первом,

Когда нагрянула беда,

Оставив дом, поля и фермы,

Они ушли.

И навсегда.

Кто под Смоленском,

кто под Минском,

Кто на Зееловских холмах,

Под каждым звездным обелиском

В земле покоится их прах.

...Живая память в этих стенах,

Размеренная быль веков:

Плоды ума и рук умелых

Моих почтенных земляков.

И я глядел бы ненасытно

На каждый штырь,

на каждый гвоздь,

На утварь избы глинобитной,

В которой жить мне довелось.

Все так мне близко, так знакомо,

Что горло сдавливает ком,

Как будто, из родного дома

Взят этот гладкий

старый лом.

Вот прялка с вытертою лапкой.

Как символ русского села,

Моя иль чья-нибудь прабабка

На ней когда-то шерсть прядла.

А вот ухват, чугунок-кормило...

Мы тяготели к чугуну,

В нем со слезами мать варила

Картошку мерзлую в войну.

Вот конный плуг - дай, бог, мне силы,

Он, может,

плуг-то самый тот,

За коим я мальчонкой хилым

Влачил судьбу своих невзгод.

Вот гребни, седла, ярма, косы.

Её в крови не утопить...
 Ты — журналист!
 Святое дело
 Народу правду говорить.

Нынче впрямь мужик не тот

Как не меряй, так иль эдак,
 Хоть поставь,
 Хоть положи:
 Был здоров мужик — наш предок
 На дела и кутежи.
 А еще того сильнее -
 На кулачные бои,
 В них он, зляся и смеясь,
 Силы пробовал свои.
 Ох какие были схватки,
 Только треск да гвалт стоял,
 Не ложили на лопатки,
 А сбивали на повал.
 ...Бой кулачный — эка удаль:
 Сила прет из молодцов,
 Кулачища по полпуда,
 Что у чад,
 Что у отцов;
 И дрались до упада;
 Глохла в столах слобода;
 Даже старь, дыша на ладан,
 Лезла в драку иногда.
 На стену стеной ломились,
 Перли с боем на прогон,
 А затем бойцы садились
 И хлестали самогон.
 ... Мордобой для нас он плохо -
 Аморален,
 грубоват,
 Но на все своя эпоха,
 В том мужик не виноват.
 Нынче, брат, того похуже:
 Режут, грабят, бьют кругом,
 В своем доме отутюжат
 И твоим — же утюгом,
 Заберут последний рубль,

Свяжут, кляп засунут в рот...
Нет, мужик пошел на убыль,
Нынче впрямь мужик не тот.

Жаль мне Отечество

Есть на Арбате толкучка негласная,
Там продается символика разная,
Если точнее — вся наша история:
Флаги, награды и знаки нагрудные.
Все это наше бывшее...- не скрою я -
Было обидно и больно, и трудно мне
Видеть кошунство над жизнью прожитой.
Эко, куда занесло-то нас, Боже ты...
Даже Москву барахолкой загадили,
Хламом завален Арбат. -
Рядом с пошлятиной,
Рядом с помадами
Символы доблести нашей лежат.
Полный набор — от медали до ордена...
Сколько с боями дорог было пройдено.
Пролило крови и жизнью положено.
Сколько труда было, пота и слез,
Чтобы вот так было все искорежено,
Все это брошено «Москве под хвост».
Кто же они эти дельцы бородатые,
Сытые, дерзкие, крепко «поддатые»?
Что ж они, словно без рода, без племени?
Может, и есть это цвет наш — купечество?
Новое ваянье смутного времени?
Кто б они ни были — жаль мне отечество...
Спорится бизнес — торговцы плечистые
Тащат из сумок руками нечистыми
Орден за орденом.
Тут же на коврике -
Полный людской ширпотреб:
Книги, картины, собачьи намордники,
Порнографический бред...
Как все печально, безнравственно, дико
«Дядя, ну, что ты уснул что ль, уйди — ка». -
Гаркнул один из торгашеской братии,
Лихо гоняя пегас на губе.
«Мне ж не зеваки нужны...- покупатели

Может быть, надобно что-то тебе?»
-Полно, папаша, краснеть и стыдиться Вам,
Может возьмете Богдана Хмельницкого?
-Есть и Кутузов...
-Есть и Суворов...
Дать Вам товар поглядеть?
...Как мне хотелось на этого борова
Пёсий намордник одеть

Чтобы жить, как люди

Снег заносит спящие аллеи.
Площадь погрузилась в белый мрак.
Серой глыбой выпятился Ленин,
Сжав картуз в увесистый кулак.
Сиротлив, угрюм он, неухожен,
Краски смылись всплесками дождя.
Хочется от грусти «взвять» прохожим,
Глядя на забытого вождя.
Что же мы так ханжески, так дико
То возносим, то ниспровергаем в грязь,
Словно в толчее многоязыкой
Связь времен внезапно порвалась.
Словно нынче самая пора
Все сломать и очернить кого-то,
Словно все, что было в нас вчера,
Нынче можно выгравить в два счета.
Все, казалось бы, чистейший вздор,
Каламбур какой-то, но однако
На Руси любой державный спор
Испокон веков решался дракой.
И в пылу раздоров, и амбиций
Гибли люди.
Кровь всегда текла.
Может ли у нас когда-то сбыться,
Чтоб Добро восстало против Зла?
Несомненно, нам того б хотелось,
Чтобы к нам прозрение пришло.
Только Зло настолько в душу вьелось,
Что мы сами превратились в Зло.
И попробуй к разуму зови,
Тут до нас вовек не достучаться.
Крайности сидят у нас в крови.

Мы привыкли в крайности бросаться.
То царя с престола гоним прочь.
То вождей мы с пьедесталов тащим.
Как же эту блажь нам превозмочь?
Как же научиться жить иначе?
Или суждено Руси и впредь
Возродиться из удельных княжеств?
Как же нам подняться и суметь
Жить, как люди, в мире, не куражась?
Есть у нас и недра, и леса,
Необъятна ширь крестьянских пашен.
Нам творить бы надо чудеса,
Мы же кулаками только машем.
И от незапамятных времен
Все мешает нам, не то, не это:
То у нас бездействует закон.
То у нас совсем законов нету.
То у нас кругом «враги», -
И внутри вредят нам, и извне,
Мы такие «гнали» пироги...
Что другим не снилось и во сне.
И пора бы нам уже понять
Сущность человеческой морали:
Чтобы жить, как люди, ими надо стать.
К сожаленью, мы пока не стали.

Казнокрад на Руси — вещь обычная

На тему застройки окрестностей Москвы
коттеджами чиновничьих верхов

Сколько там перестройщиков липовых.
Рвутся к власти и шулер, и рвач.
Упаси нас, господь, от «стольпинных»,
Что реформами занялись с дач.
Я хотел бы сказать боссам нынешним,
«Благодетелям» наших надежд:
Вы, Россию «любя», уже вывезли
Половину ее за рубеж.
И на месте немалую толику
За широкой народной спиной,
Под коммерческой дутой символикой
Загоняете в свой домострой.

С Белокаменной... рядышком,
Не стесняясь возводите вы,
Нет...
Не храмы «товарищам бабушкам»,
А себе на потребу дворцы.
Неровня вашим замкам готическим
Никакие шедевры славян.
И «закручено» так юридически,
Что за каждой строкою обман.
То на дядюшек,
То на племянников
Адресована стройка сия.
И понятно: высоким начальникам
Репутацию портить нельзя.
Ну а честь?.. Категория зыбкая:
Ни измерить, ни взвесить ее,
Вот и прячете вы за улыбкою
Настоящее «кредо свое».
Вот и вертите вы,
Вот и крутите,
Маскируете правду под ложь.
Что ж вы, «добрые», души нам мутите?
Вам же веры уж нет ни грош.
Только в кресло — и сразу изволите
Городить на халтуру «Арбат»...
Вы с ухваткой такой перестроите
Что угодно на собственный лад.
О какой перестройке хлопочите?
О народной или своей?
Что ж вы дело святое порочите,
Убиваете веру людей
В справедливость и в бескорыстие,
В путь, которым Россия идет.
Вы руками своими нечистыми
Обдираете бедный народ.
Поглядите кругом: люди бедствуют,
Едут беженцы с разных концов,
Вам бы надо теперь теми средствами
Обеспечить тепло им и кров.
Расселить их, помочь обустроиться,
Это ж долг и задача властей.
...Наши беды, пожалуй, и кроются,
В безучастности к судьбам людей.
Оттого Русь извечно и нищая,

Что у власти то рвач, то дурак.
Казнокрад на Руси — вещь обычная,
Как в рабочем поселке барак.

Платим неустойку мы...

С неба полуденного
Жарит, как в печи.
В городе Буденного
Глумятся палачи.
Грабят банк и мэрию,
Всю в залог берут.
Дыбом у империи
Волосы встают...
Тысячи заложников:
Гибель, вопли, стон...
Как же сих безбожников
Прозевал кордон?
Как же так случилось,
Что за западня?
Банда просочилась
Среди бела дня.
Что ж там спят, сердешные,
На постах ГАИ?
Как же власти местные
Проморгать могли?
Что за попустительство
В роковой момент?..
Не поймет правительство,
В гневе президент.
Да, вина серьезная,
Что тут говорить?
Но о кознях Грозного
Надо б с тех спросить,
Кто режим тот пестовал,
Кто играл с огнем,
Кто принес нам бедствие
И разлад в наш дом.
С тех крутых властителей,
Что у нас не счесть,
С глупости, - простите мне
За прямую речь.
Ибо слишком горькою,

Страшную ценой
Платим неустойку мы
За лихой разбой.

Где ж ты, истина, бродишь, проклятая?..

Мы «ломали» не раз...- вещь не новая:
Добирались до самых корней;
Только жизнь наша вечно тяжелая
Становилась еще тяжелей.
Мы питали надежды и думали:
Вот еще «поворот», уж за ним!..
И, как прежде, на новое клонули,
А на старом корнями стоим.
Можно чеки раздать.
Можно «хапнуть» завод,
С молотка распродать пол — России.
Но нельзя в один миг переделать народ,
Это смертным пока не под силу.
И куда ни зови нас, куда ни веди,
Будь то польза с того иль помеха,
Наше прошлое будет всегда впереди,
Как бы главной маячною вехой.
В этом «вареве» парились тысячи,
Миллионы советских людей.
Нет. Из памяти нашей не выкинешь
Жизни собственной, хоть ты убей.
Даже, если совсем обесчеститься,
Потерять чувство долга и стыд,
От вчерашнего вряд ли открестишься,
Оно в душах и в генах сидит.
Что касается хлеба насущного...
Был положен в основу угла.
Кто ж тепла не желает на Севере?
Не пророчит достойную жизнь?
Потому мы, наверное, и верили,
Что построим в стране коммунизм.
А теперь надо верить в обратное
И учиться по - новому жить.
Где ж ты, истина, бродишь, проклятая?
Сколько ж можно нас за нос водить?
Погляди на Россию окрест:
Как прыщами покрылась «АО».

Раздевают нас фонды «инвест»
Среди белого дня наголо.
Их никто не стопорит препонами,
Нет закона — одни словеса.
...Русь извечно бессильем да стонами
Наполняла свои паруса.
Уж такая у нас, видно, мания:
Отпусти «повода» - и в разнос...
Если делаем что-то по-своему,
Хоть топорно и скоро подчас,
Зачастую не знаем, что строим мы,
От того и страдаем как раз.
Кто нам скажет: какую республику
Очень хочет слепить демократ?
Может, сунут нам дырку от бублика,
Ну, а бублик другие съедят.
Вот и мечутся люди отчаянно...
Лично я одного лишь боюсь:
Не затянут ли в «дебри Сусанина»
Как пирог расслоеную Русь?

Всему свое

Богатство - зло...
И в нем не ново
Такою подлостью грешить:
Когда один за счет другого
Мошну старается набить,
Когда один бедняга тонет,
Как в волны сброшенный балласт,
Другой и слова не проронит,
Руки спасенья не подаст.
Когда один в роскошном замке
Рукой холеной гладит псов,
Другой, потея, тянет лямки
На новоявленных дельцов.
Когда один сорит деньгами,
Что хочет, ест,
Что хочет, пьет,
Другой, повязанный долгами,
Концы с концами не сведет.
Когда один под солнцем юга
Жизнь прожигает свою всласть,

Другой, измученный недугом,
Не может в клинику попасть.
И так во всем - «земля и небо»...
Какой нелепейший изъян:
Кто сеет хлеб — сидит без хлеба,
А кто не сеет — сыт и пьян.
Вот таковы черты богатства,
Они известны испокон...
В них нет ни дружбы,
Нет ни братства,
В них волчий действует закон.

Разнос

Может, как-нибудь потомки
Поразмыслят и поймут:
Почему все наши «ломки»
К обещанию ведут?
О Россия!
Магь честная!
Что ж ты снова села в грязь?...
Как была ты крепостная,
Крепостной и осталась.
И холод,
 и голод,
 разруху
 и тиф,
И прочее тяжкое бремя
Несли мы сквозь годы
 На спинах худых
В грядущее преданно веря!
И нужна — то нам самая малость
Вера,
 правда и
 особо
 честь.
В нас искра надежд еще осталась,
Значит, и сама надежда есть!
Я пекусь о той, о массе «серой»,
Что пахала и варила сталь,
Что служила рабски правдой, верой...
Мне ее до боли нынче жаль.
Вы взгляните только, господа,

Мы такие колем номера,
Что отцам всех в бытность и не снилось.
То, что не делилось вчера,
Нынче на кусочки развалилось.
Мы поклонялись чину и погонам.
До фанатизма верили в вождей
И никогда не жили по законам:
По чести,
 разуму и
 совести людей.

И вечно он памятен будет,
Какую ни высвети грань...
Несут в Константиново люди
Любовь и признания дань.
За то, что любил он до боли
Небритую, нищую Русь,
Ее кровавые мозоли,
Ее неумемную грусть.

Я видел фермеров своих

Я видел фермеров своих
И, скажем прямо, мне их жалко:
Один комбайн на троих
И тот глядит уже на свалку.

Два плуга, трактор без колес,
Хламьем завалены задворки
И бурьяном их стан зарос,
Гляди того, завоют волки.

Картина прямо без прикрас,
Но не спешите ужасаться.
Мы что-то сделали хоть раз,
За что не раз пытались браться?

Уж сколько было их реформ?
И в лету канут начинанья
То нет под них политплатформ,
То денег нет,
То нет желания.

Что выдал фермеру колхоз?
Кусок земли и нуль в рассрочку:
И каждый тянет этот воз,
Как прокаженный, в одиночку.

Ни запчастей,
Ни мастерских...
(Как испокон у нас ведется)
Пора спросить бы: о каких
Реформах власть наша печется?

Ни льготных ссуд,
Ни должных прав.
Клочок земли да скарб убогий,
Что б фермер в «ящик не сыграл»
Его, как волка, кормят ноги.

Там болт...там гайку...там ремень...
Все не объять одной строкой.
Он начинает каждый день,
Как бомж с протянутой рукой.

А злополучный «паритет» -
Цены на хлеб и на машины?
Бедняге сдать надо весь хлеб
За две подержанные шины.

И вряд ли стоит продолжать
Перечислять все их мученья.
Им надо должное отдать
За труд и долгое терпенье.

И вновь, и вновь встает вопрос:
Какая польза от реформы?
Пока «живой» еще колхоз
Он хоть с трудом, но как-то кормит.

А дальше что?
Какую петь?
Просить опять у заграницы?
Но сколько ж Русь будет сидеть
На черноземах без пшеницы?
И как ни думай, голь ни мерь,
А жребий фермера не сладкий.-

Ему б Столыпина теперь...-
А всех бездельников по «шапке»...

Мораль для власти такова,
Она уж всем давно известна:
Нужна реформам голова
Взамен знакомого нам места!

Россия так устроена

В своей стране изгоями
Нам не впервой уж быть
Россия так устроена,
Что только мертвых чтит.
Будь Пастернак,
Будь Сахаров,
Хоть сам Тутанхамон...
Кто у руля, тот шах у нас
И Бог он за одно.
Ему других ненадобно-
Ни мудрых,
Ни святых...
Сидит он, словно надолбня,
В палатах золотых.
И правит Русью брэнною
С той «колокольни» сам...
Его хоть во вселенную,
Он будет царь и там.

Тюрьма

Как крепость, мрачная на вид,
Взметнулась каменной громадой,
С стальной колючею оградой,
И за оградой страж стоит.
Сооруженная царями
От незапамятных времен
Гремит железными дверями
Неумолимый бастион.

СТИХИ О ПРИРОДЕ

Зимнее

...Вновь кружит метелица.
Заметает след.
Сбудется — не верится,
Что апреля нет.
Сбудется: под крышами
Запоет капель.
И в окно неслышно вдруг
Постучит апрель.
Жду его. А кажется,
Нет зиме конца.
Юность в пестром платье
Стороной прошла.

Торжество и печаль в увядании...

Шквалистый ветер пронесся полями,
Взвыл в проводах, а потом
Хмурое небо повисло над нами
Серым чугунным зонтом.
Морось засеяла, будто сквозь сито,
Мраком окутался день,
Речка взбурлила волною сердито,
Съежилась жалко сирень.
Жались друг к другу деревья, их листья
Робко шептались вокруг,
Бронзой блестящей, как серьги повисли,
В мочках взгрустнувших подруг.
Эй вы, поэты, очнитесь, взгляните:
Боже, какой колорит!..
Солнце пропало в промозглom зените,
Золотом роща горит.
Красками разными: желтыми, красными
Пышно окрасился лес.
Каждое дерево кажется сказкою-
Вот оно: чудо - чудес!..
Все, как у Тютчева:
 кроны багряные,
Жемчуг капли на них.

Не грустите, мы встретимся снова.
Вы далеким краям донесите привет
От широких российских просторов.

Осень

Может где — то бушуют снега.
А у нас разбагрилась осень,
И в глухую туманную просинь
Отцикадили звоном луга.
Соловьиная роща в дыму
Умирающих бронзовых
листьев.

И теперь уж совсем ни к чему
Перелив соловьиного свиста.
Отшумит листопад на ветру,
Завихрятся шальные метели.
Будет дятел будить поутру
Эту рощу, забытую всеми.

О звездный мир

Я, как лунат, слежу ночами
В глухой безмолвной высоте,
Как звезды синими лучами
Играют в горной пустоте.
И каждый раз мне гложет душу
Одна мучительная мысль:
Кто сотворил моря и суши
И неизведанную высь?
Кто разбросал в пространстве света
Алмазной россыпью мир звезд?
Для мудрецов и для поэтов-
Источник мудрости и грез...
Где им конец?
Где им начало?
Иль этой бездне нет конца?
Уж человечество устало
Писать все с чистого листа.
О звездный мир!
О мир вселенной!
Не зря великий Галилей,
Согретый мыслью вдохновенной,
Терзался тайною твоей.

Старый тополь

Старый тополь, друг любезный,
Два столетия иль три
Ты шумишь под синей бездной
На ветру родной земли.
Выли вьюги,
Били бури.
Сколько было их, не счесть.
На твоей изрытой шкуре
Можно летопись прочесть.
Весь изрезан,
Весь исколот.
Насквозь пулями прошит.
На тебя глядишь и холод
Жутью душу холодит:
Как горбы торчат наросты,
Из земли коренья прут...
Тополь! Тополь, как не прост он,
Героический твой путь!
Будь бы ты солдат, то славой
Был оваян...- и навряд
На твоей «груди» корявой
Мест хватило б для наград.
Тополь милый! Друг сердечный!
Сколько ты перетерпел
На земле, где правят вечно,
Нищета и беспредел.
Как похожи судьбы наши...-
На истерзанной земле.
Пьешь ты жизнь из горькой чаши
С человеком наравне.

Режут кору по живому -
Слезно плачут тополя...
Неужели по-иному
Мысли выразить нельзя?
И каких тут нет творений,
Кто какую блажь ни гнет,
Скажем вот какой-то Гера
За рога быка берет:
«Я люблю тебя, Наташа!...
Полуби меня, - о кей?»

Стал ли Гера тот папашей
Для Наташиных детей?
Может сгинул где-то Гера.
Может, Бог дал, где живой.
Но для дикого примера
След оставил ножевой.

Мы подчас себе в угоду,
Даже зная, что почем...
Гробим матушку-природу
И не думаем о том,
Что земля была б пустая,
Лысой, мертвой, как луна,
Если б рожь на ней густая
Не вздымалась, как волна.
Не стлались ковром зеленым
Травы, живностью звеня;
И под солнцем раскаленным,
Не шумели б тополя.

Под шумливой кроной древа
Ты шептала: «Не балуй»... -
И луна тайком глядела
На наш первый поцелуй.
А потом еще раз триста
У могучего ствола,
Под веселый лепет листьев
То ждал я...
То ты ждала...
Сколько страсти...
Сколько счастья... -
Да простит Господь меня.
В этих трепетных объятьях
Все касанья из огня!
Тополь, тополь, ты свидетель,
Да тропинка до крыльца... -
Как сжигал «любовный ветер»
Наши юные сердца.
А теперь и мы на склоне,
Но какой-нибудь другой
Греет девичьи ладони

Ненаглядной дорогой!
И шумит листва седая,
Рдеют зори кумачом.
...Жизнь, братец, вещь такая -
«Куй покамест горячо».

Как то утром снежным, мгlistым
Глянул я, и дрожь взяла:
«Пляшет польку» взвод фашистов
У столетнего ствола:
Чуть поодаль ходят группы,
В ход пуская топоры
И ложатся, словно трупы
Серебристые стволы;
Тут же режут;
Тут же колят
И увозят на дрова;
Бабы плачут — немцев гонят
Прочь под бранные слова.

А я жду и верю я...

Вновь подуло с севера,
Помела метель,
А я жду и верю я:
Расцветет сирень!
А я жду и верю я,
Что придёт весна,
Запахами клевера
Вспрянет ото сна;
Побежит ромашками-
Лугом до реки,
Загорится красками
Вьюгам вопреки.
Я ждала девчонкою,
Жду я и теперь,
Только юность звонкая
Уплыла за дверь!...
И метет метелица,
Заметает след!...
Мне никак не верится,
Что возврата нет...

СТИХИ О РАЗНОМ

Спасибо тебе, женщина!

Спасибо тебе, женщина,
Что ты такой была,
За теплоту душевную,
За добрые слова!
За то, что в пору трудную
Дробила гору рудную,
В мартенах руды плавила,
Ковала щит и меч.
За то, что не лукавила,
Умела честь беречь.
За те хлеба, что сеяла,
Стояла у конвейера.
Нуждою и мозолями
Что торила пути.
За ту войну кровавую,
Что ты со всей державою
Смогла, сумела выстоять
И всю смогла пройти.
За то, что с поля бранного
Ждала ты долгожданного,
Ждала, как ждать положено.
И даже, став вдовой,
Ты не была низложена
Судьбою роковой.
Была отцом и матерью,
Заботливой, внимательной,
Ораву босоногую
Растила, как могла.
Была простой и строгою,
Все для одной — не много ли?
Спасибо тебе, женщина,
Что ты такой была!

Спит Наташка

Спит Наташка и во сне
 смеется
Лепесткам прегрезившихся
 роз.
Ветерок сквозь занавески
 рвется
И целует завиток волос.
Снится разукрашенный
 кораблик,
Синий ветер в белых парусах,
Остров-сад с тропинкой среди
 яблонь,
Из волшебных сказок чуда.
А за дверью май цветной
 пылает
Красками лугов, цветов, полей.
Спит Наташка и беды не
 знает.
Только солнце улыбнулось ей.

Последний поход «Комсомольца»

Из далекого рейда к советскому порту
Подлодка с задания шла.
И слева, и справа стояла по борту
Густая глубинная тьма.
Шумели тихонько винты за кормою,
Толкая корабль сквозь мрак.
Но беды, известно, приходят неожиданно,
Как в этот трагический миг:
На атомной лодке в тисках океана
Губительный пламень возник.
И целых четыре часа бушевал он,
Пытая на прочность команду и борт.
... Рули отказали, и лодка всплывала,
Уже потерявшая ход.
Она еще миг постоит над водою,
Как будто прощаясь с людьми,
Но третьей иль пятой накроет волною -
И вслед разойдутся круги.

И с гибелью лодки померкнут надежды,
Безвестность и мрак впереди...
Там где-то лежит под снегами Медвежий,
Но им до него не дойти.
Вокруг только волны пустынного моря
Да серая мгла облаков.
Но бьется за жизнь, со стихиею споря,
Отряд боевых моряков.
На всех один плот, перевернут вверх дном,
Почти затонувший в воде,
Но есть ли что выше и крепче, и чище,
Чем дружба морская в беде?!
Но долго ли можно в купели студеной
Держаться в трехбальных волнах
С измученным телом, с душой изможденной,
Теряя друзей на глазах?
...Был путь до погоста простой и недлинный:
Ни гроба тебе, ни венка...
Они уходили безмолвно в глубины,
В последний приют моряка.
И волю, и силу, и муки терпенья
Вложили в борьбу моряки.
И вот оно рядом теперь уж спасенье:
На помощь пришли рыбаки...
Лежит «Комсомолец» в подводном овраге,
В нем склянок не слышится звон.
Но чудится песня про гибель «Варяга»
В угрюмом кипении волн.

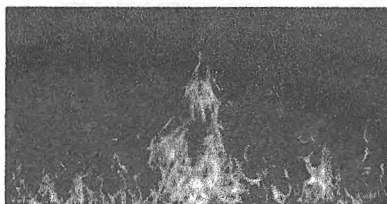
Погиб поэт...

Змеилось молниями небо.
Гром канонадил среди скал.
До нитки вымоченный Глебов,
Склонившись, тело прикрывал.
А он лежал в крови безмолвный
Во власти дикой пустоты.
Надежд и дум, желаний полный,
Властитель пламенной мечты.
Лицо покойного бледнело.
Молчали вешние уста,
И холодеющее тело
В порывах ветра дождь хлестал.
Пустые склоны — шум да темень.

Кругом — бушующая страсть.
Вода ревела, роя кремень,
И, громыхая, вниз неслась.
А он лежал, сраженный пулей.
Зачем! Зачем он шел сюда?
Как будто молнией блеснули
Его короткие года.
Кому нужна была расправа?
Кем был талант его гоним?
Неужто царская управа
Сводила тайно счета с ним?
Или завистник злой, надменный
Сыграл губительную роль?
Своим деянием презренным
Принес России эту боль.
Он знал и злые козни света:
Интриги, вымыслы и грязь,
Что не простят за «Смерть поэта»
Ему ни царь, ни свет, ни власть.
И он убит. Умолкший гений
Не сочинит уж эпитаграмм.
Не надо склок и мерзких бдений
Его завистникам, врагам.
Они еще всплакнут — не ново...
Лукавя, исподволь польстят,
Но из глубин души махровой
У гроба выплеснут весь яд.
Им чужд сам дух
любой свободы -
Рабов, поэтов, мудрецов.
И даже редкий дар природы
Пустой лишь звук для подлецов.
Погиб поэт. Ушел из жизни
В расцвете сил, в расцвете лет.
О, сколько дал бы он Отчизне
Как гражданин и как поэт.

Гори, гори, огонь во мне

Пылай, пылай, огонь, гори,
В тисках души калиной красной,
Мечтой пустой,
Мечтой напрасной
Живую страсть боготвори.
Гори-гори и кровь во мне,
Уже совсем немолодую,
Взволнуй, как в поле рожь густую,
Волнует ветер на заре.
Гори-гори и в час заката
Под шумной кроной тополей,
Все то, чем «бредил» я когда - то,
Сожги и пепел тот развей.

ПОЭМЫ

Славяне
(О Русь! Земля отцов моих...)

Глава 1. Версия о зарождении Руси

Прошу простить меня заранее
За сногшибательную новь:
Мы гордо звались Славяне,
А в нас течет другая кровь.
И это впрямь ни бред, ни мифы,
Что наши предки были скифы,
Сарматы, кимры, тавророссы;
Что никакой-такой «славен»
Не замутил в нас русский ген;
Что мы издревле звались россы.

В природе не было славян.
Был этнос кривичей, дулебов,
Полян, древлян и северян
И ряд других под древним небом.
И предок был у них один,
Когда-то живший средь долин
На землях древнего «Эллама».
Его сыны Мадай, Магог,
Гомер оставили Восток
И слились с племенем Тубалов...
И Изекиль и Давидсон
Твердили дружно в один голос,
Что от указанных персон
И зарождалась россов поросль.
А дальше множилась она:
Росли и крепили племена;
Объединялись с рода в род;
Княженья россов зарождались
И, как всегда, мы россы звались,
Как исторический народ.

А что касается славян,
То это прозвища племен. —
Никто из прошлых поселян
В Европе не был без имен,
И проследить совсем несложно.

И потому вполне возможно,
Что даже нам сородич рос
При заселении проимы «Сляби»
Был окрещен германцем в «Склабы»,
Что позже в «славен» перерос.
«Славяне» - термин языковой,
В нем этноса и близко нет,
Но сквозь «туман» многовековой
В нас укрепился этот бред.
Кому же на руку все это?
О чем же спор?
В чем суть предмета?
Такой закрученный сюжет
Нам раскрутить не так-то просто,
Поскольку с древнего погоста
«Видка» не вытащишь на свет.
Но коль уж так, то нас наука
По родословной проведет.
Чтоб было ясно «гордым внукам»,
От коих род корней идет.
Ни Демокрит,
Ни Эпикур,
А россиянин – доктор Кур –
Из допотопной глубины
С аргументацией и с толком
Все разложил, как есть, по полкам
И доказал, что россы мы.

Но так сильна и стала инертна
Слепая вера в закордон,
Что ложь их сделалась бессмертной,
А правдой вытерли... пардон!
Не от того ли Ломоносов
Терпел издержки от доносов
Ясновельможных пруссаков,
Что в русском слове не бельме,
О нас писали «резюме»,
Склоняя «бездарь» мужиков.
Не им, заносчивым Тевтонам,
А россу лучше было знать,
«Что может собственных Платонов
Земля российская рождать».
Не им рассказывать нам сказки
О наших предках. – Бред германский

Уж поднаскучил нам давно...
Для нас родное наше слово
Пусть, как ни горько, ни сурово,
А сердцу ближе все равно.
Но эти варвары писали –
Плели о россах чепуху.
Под их дуду цари плясали,
А уж простому мужику
Не только дело их хулить,
Нельзя и рта было раскрыть.
Однако мы теперь пойдем,
Отбросив мишуру столетий,
Откуда, кто мы на планете
И для чего на ней живем.
Нет щепетильней и сложнее
Задач копаться в письменах
О родословной наших предков,
О коей нас, друзья, нередко
Водили попросту за нос.
И для познаний достоверных
Надо очиститься от скверны,
Что в летопись Сильвестр внес.
Теперь нам кое-что знакомо
О древних россах, их пути.
И это ясно аксиома,
Хоть как ее тут ни крути.
Но, как в любом неясном деле
И здесь, возможно есть пробелы,
Но уж зато вранья в том нет.
В истертых библиях Востока,
Никак уж не по воле рока
Записан пращур Росс-Афет.
И сыновья его реальны.
И племена от них потом
Шли много лет на Север дальний.
Но остановимся на том.
Оставим эти племена:
Паденья, взлеты, имена;
Про их бои;
Про их мечи;
О кровной смеси в племенах,
О их языческих богах...
Начнем от Киевской Руси.

Образование Киевской Руси (430 год)

Я над строкою тщетно бьюсь,
 Хотя рифмую не впервые,
 Но в глубине души боюсь
 Повествовать о князе Кие.
 Великий князь!
 Могучий князь!
 С него считай и началась,
 В Европе Русская держава.
 С крутого берега Днепра
 Руси обитель и пошла
 И ширью дикой прирастала.
 Три брата Хорив, Кий и Щек
 На берегу реки могучей
 Срубили княжий городок
 На трех горах у самой кручи,
 И по монашеским трактатам
 В году четыреста тридцатом
 Сей город был уже заложен.
 А за раденья боевые
 Был златоглавый город Киев
 В честь князя Кия наречен
 Однако Русь была до них,
 Еще до Кия и Щека.
 Она в лесах жила глухих
 И рыбных рек, у их истоков.
 По существу один народ,
 Но жил ни месяц и ни год,
 А двести, триста, может, боле
 Разбросом мелким родовым,
 Не раз унижен и гоним
 Врагами с собственных подворий.
 И в дикой распре меж собой
 Они сходились в кровной ссоре...
 Междусобный разнобой
 Нёс разорение и горе.
 Могуч народ. Числом велик.
 Один уклад. Один язык.
 Но из-за распри и разброса
 Его теснят и швед и гунн.
 ...О да поможет мне Перун
 Объединить уделы россов. —

Взмолился Кий, - верша полюдь,
Почётом веси объезжая
От моря Русского до Чудей,
Под княжим стягом собирая
Не за оброком,
Не за прю,
А, чтоб в единую семью
Под Киев - град,
Под Киев - стол
Прилучить русские владенья,
Чтоб Русь сберечь от разоренья,
Да скинуть вражий произвол.
Горяч был князь, могуч, умён,
И россы присягнуть дерзнули.
К нему четыреста племен
В том единении примкнули.
Упрочив Русь, её границы,
Князь снова на коня садится
С дружиной скачет на Итиль,
Громит Булгарский казанат
И от Урала до Карпат
Врагов и братьев усмирил...
Но есть еще коварный враг,
Он не потрепан и не бит,
Над Пропонтидою в дворцах
Червонным золотом звенит.
Земля бескрайняя под ним —
Владенья Сирии и Рим
И многие другие царства.
Ему потворствовать нельзя... -
Под ним болгарская земля
Влачит столетия мытарства.

А уж на Русь он «точит зуб»
Ни год, ни два и ни десяток.-
Его сжигает алчный зуд
От головы до самых пяток.
Сей полуримлян, полугрек
Уж на погибель Русь обрек:
Умножил свой могучий флот,
Установив на нем сифоны;
К Дунаю вывел легионы
И для броска момента ждет.

Но россы тож не лыком шиты:
Уж на Дунае, близ реки
В дубравах тщательно укрыты
Стояли Киевы полки.
И в ночь орда примчала шумно,
Как ветер, стремительные гунны,
Не зная на пути преград,
Вздымая облаками прах,
Неслись на диких лошадях
На злополучный Цареград.

Как клином – клин, так силу – силой...
Князь эту мудрость понимал
И, заключив свой ряд с Ругиллой,
На берегу теперь стоял
У волн широкого Дуная,
А перед ним – стена живая
Врага, закованного в сталь.
...Что ждет его в жестокой сече:
Победа, слава, подвиг вечен
Или гибель и печаль?

Но это там, в бою, а ныне
Кий в забвении глядел на то,
Как на заломанной лесине
Мостили аисты гнездо,
Как вились чайки над Дунаем.
И божий мир казался раем...
Что надо людям на земле,
Когда кругом живая радость?
Так в чём же сила?
В чём же слабость?
В устоях мира иль в войне?
Тьфу пропасть, что за наважденье?
-Князь бормотал, усы крутя, -
В войне и есть наше спасенье
Иль ты врага...
Иль он тебя...
Так не годится думать вою.
Привёл я рать, чтоб головою
Родные земли отстоять.
Да будет знать Константинополь,
Что Киев - стол им не Акрополь,
Чтоб вотчиной своей считать.

О Кие мало что мы знали,
 Да и теперь одно враньё...
 Одни историю писали,
 Другие правили её,
 То под князей,
 То под царей,
 Но всё равно до наших дней
 О нём хоть что-то сохранилось
 В первоисточниках тех лет,
 Что проливает как-то свет
 На историческую лживость.

Русь прозябала, то и дело,
 То межусобья,
 То распад.
 Её могущественной сделал
 Князь Кий.
 Её он вытащил из лап
 У Византий и Клобуков.
 ... Он сыновей имел и внуков,
 Что ряд веков имели стол
 Во Киев-граде на Днепре.
 И россы верили «горе»
 И чтили Киева престол.

Был сын у Кия – Лебедян.
 Был Веренз – внук.
 Был правнук – Сержень.
 Они для скифороссиян
 Были могущества их стержень,
 Как ни мудрят пусть толмачи,
 Это – рождение Руси,
 Что нынче часть шестая суши,
 Чью родословную веками
 Пытались ставить вверх ногами,
 Как говорится, «с ног на уши»,

Кий положил немало сил
 Для собирания народа.
 Он каждой весью дорожил
 И каждым племенем и родом,
 И там ему платили «дань»:

За князем шли стеной на брань
Это они под князем Кием
В чужой далёкой стороне,
Врагом в навязанной войне
Разбили фемы Византий.

И двести, триста лет она,
Боясь опять кровавой сечи,
В холопы россов не брала
И не садилась им на плечи.
Достойный князь оставил след:
Величье множества побед,
Покой и мудрость на земле...
Он, как политик и стратег,
Имел влиянье и успех
Не только в собственной стране.
С ним впредь не ссорились авары.
Варяг пониже стал травы.
А уж побитые булгары
Не поднимали головы.
А гунны с россом бок о бок
Шли против римлян на Восток.
При Кие дальше, чем за Прут
На Русь не лезли, как термиты.
Лютичи, вагры, оботриты
И прочий иноземный люд.
Кий не всегда шел напрямик,
Сминая недруга лавиной,
Он находил не раз «язык»
С непредсказуемым Атиллой
И всю прочую ордой.
Он понимал, что мир худой,
Всеж лучше от кровавой бойни
И делал все, что б ни ввергалась
Своя воинственная рать
В опустошительные войны.
И по наследию так шло:
И Лебедян, и его дети,
И внуки всем врагам на зло
Русь укрепляли на планете.
Вот только все, что было с ними,
Как будто кануло в пучине
И ныне ясно лишь одно,
Что все до власти Мономаха

Писанье русичей-монахов
Сильвестром было сожжено.

Под лживым слогом борзописца
Стан россов превращен в притон...
Какие ни пестрели лица,
Борясь за Кия – княжий трон.
Тут Рюрик, и Аскольд, и Дир...
И словно каждый был кумир
У русской знати Кия-града,
Будто для гордых сыновей,
Почивших киевских князей,
Варяг был божией наградой.
Как будто россам невдомёк,
Что хорошо им и что плохо,
И сотни лет был нужен срок,
Чтоб увязать себя с эпохой.
Всё это сказки про бычка,
Чтоб сбить простого мужичка,
По меньшей мере здравой мысли.
И удалось отцам «святым»
Пустить в глаза им едкий дым
Обмана, злости и корысти.
Писанье двух великих старцев
Сильвестр вновь переложил
И даже надобно признаться,
Хвалу от князя заслужил
За эту «мишкину услугу»,
Что сотни лет пустил по кругу
Элементарного вранья,
Да так, что волей иль неволей
Сей пасквиль учат дети в школе
И до сегодняшнего дня.
Хотелось бы, чтоб в новом веке
Был исключен такой курьез,
Что будто Русь создали греки,
Германцы, шведы, а не Росс:
Чтоб Русь от Киева княженья
До Мономахова правленья
Предстала в прежних письменах,
Как Никон с Нестором слагали;
Чтоб мы о прошлом не гадали
И не блудили в трех соснах.

Как славный Кий, так и Олег
 Пришел на Днепр с восхода солнца.
 Взял Киев, Любич, взял Смоленск
 И потеснил с Руси чухонца.
 Затем взял Новгород и Псков,
 Изгнал с Руси находников
 И греков принудил к осаде...
 Он был силён и именит.
 И, как глаголил Пушкин, щит
 Его висел на Цареграде.

И Русь при нём была сильна,
 Такая ж, как была при Кие.
 Лишь небольшие племена.
 С ней языка не находили.
 Но и они исправно в срок
 Платили Киеву оброк;
 Совместно билися с врагом;
 Ходили в дальние походы,
 Делили радость и невзгоды,
 Оберегая общий дом
 Пусть непокорные древляне
 Имели принципы свои,
 Но и они ведь не славяне,
 А братья россос по крови.
 А потому народы - братья
 Стремилась к дружеским объятьям,
 А не к разладу и войне.
 И распри не было у них,
 Князь уважал людей своих
 И поклонялся старине.

...И Игорь тоже за Олегом
 Читил брата своего уклад.
 Не подвергал древлян набегам
 И не чинил иной разлад.
 А те побасенки с побором
 Опять же тягостным укором
 Лежат на совести дьяка,
 О коем выше говорилось,
 Что всем во вред, а князю в милость
 Неразбериху внес в века.

И не древяне, а полавы
Тогда чинили россам вред,
И Игоря убили Склабы,
И в Византию шел сей след...
Они отместили дерзость князю
За то, что он смешал их с грязью
И крупной данью обложил.
Виной всему имперский двор,
Он затевал извечно спор
И россов к брани приводил.
И на Руси об этом знали,
Кто порождал сей корень зла
И потому не раз стояли
С мечом у мерзкого стола.
Лишь Ольга с миром к ним ходила,
А Кий, Олег и Игорь с силой
За миром за море ходили.
И каждый княжеский поход
Был, как всегда, ответный ход
На авантюру Византии.

Ольга-Святослав (945-972)

Княгиня с войском не пошла,
Не стала ввязываться в бойню,
Она сраженье предпочла
Сменить словесною игрою...
И объявила, что и впредь
Не будет на рожон переть
И утверждать добро мечами.
И удалось, представьте, ей
Русь уберечь с теченьем дней
От брани мирными путями.

И своенравна.
И горда.
Пред ней склонялась вся округа.
Княгиня правила тогда
Не хуже славного супруга.
Высокочтимые мужи,
Хоть и чинили куражи,
Но были преданны в делах,
В княгиню верили всецело

И Русь не только не хирела,
Но даже крепла на глазах.
Затихли ратные дела.
Русь корчевала лес, пахала,
Растила хлеб, ткала, пряла
И с заграницей торговала.
С товаром в разные концы
По Борнефону шли купцы.
Предметом их лихих торгов
Были шелка, меха, алалы...
Кричали бойко зазывалы
На рынках древних городов,
При Ольге богатела знать:
Бояре, Клесты, Воеводы...
Она старалась ублажать
Старейшину любого рода,
Лишь был бы предан ей, как пёс,
И не являл собой угроз
Деянью князьему по гроб.
Отсель вне всякого сомненья
И начинала Русь деленье
Людей на смердов и особ.

И до сегодняшнего дня
По тем не писаным законам
Живут российские «князья»
И холоуи вокруг их тронов.
И уж не год, а тыщу лет
Такою блажью грешен свет.
А мы сегодня хотим в раз
Покончить с этаким явленьем,
Но парадокс весь, к сожаленью,
И заключается ведь в нас.
Нам, что ни хам, - отец родной.
Что ни прохвост – радетель славный.
Им надо б дать под зад ногой,
А мы им в руки скипетр державный.
Ну ближе к истине, друзья,
Князья они всегда князья...
Вернемся к грекам. – Вновь за мзду,
Они который раз по счёту,
Как псов голодных на охоту,
Спускают злобную орду.

Напрасны Ольгины старанья:
 Опять ни мира, ни войны.
 И никакие оправданья
 Не примут взрослые сыны;
 Те ж воеводы, те же Клесты...
 В ней чувства гордые задеты
 Игрой имперского двора. —
 Всё шло насмарку.
 Всё «летело». —
 И в подсознание где-то зрело,
 Как смерть зловещее: «Пора»...
 Пора...Пора, — твердила Ольга. —
 Сыны уж в летах. И потом
 И без того сию я долго
 На мужьем месте. Проку в том,
 Что Русь не топает в доспехах,
 А я стою тому помехой...
 Пусть сыновья...Им впрямь видней,
 Как надо жить,
 Как Русью править.
 И, может римляне лукавить
 Не станут, видя сыновей.
 Дай бог!
 Дай бог! — княгиня снова
 Терзала мыслью себя.
 Я уж давно к тому готова,
 Пусть правят ныне сыновья.
 Меня уж Игорь звал с собою:
 Олонесь снился сон, не скрою,
 Тяжелый сон,
 Печальный сон,
 Как будто шла я с ним к венцу
 В краю пустынном по плацу
 Под колокольный перезвон...

Ну что ж княгиня подвела
 Черту под собственною жизнью.
 В душе ни горечи, ни зла,
 Ни дум за милую отчизну...
 Уж больше нечего ей ждать,
 Осталось только вспоминать
 О прошлых прожитых годах
 И в иронической улыбке

Считать злосчастные ошибки
С слезами грусти на глазах.
Ей за дела свои не стыдно —
Ни за страну, ни за народ
И, право, было бы обидно,
Коль было б всё наоборот.
Пусть были промахи и срывы,
Подчас была не справедлива,
Жестока даже, может быть,
Но ведь на то и воля княжя,
О том ни челяди сермяжной,
А богу дадено судить.

Её жизнь тоже не малина.
Не дай бог эдак никому.
Оставил Игорь ей два сына
И Русь, сумбурную страну.
И хоть живи, хоть тут же падай...
Лишь дети были ей отрадой.
Да долг пред мужем и страной
Её обязывал к раденью
И ей давал Господь терпенье
В минуты трудности любой.
Дела минувших лет и тоже
Она могла признать при всех,
Что Русь языческая может
Ей приписать один лишь грех,
Пусть даже, может, самый тяжкий,
Что мог ей стоить без натяжки
Не только божьего креста...
Ибо она взяла не в меру,
Сменив языческую веру
На православие Христа.
Однако, пусть и вправду боги
Владычиц судят и владык.
А Русь была уж на пороге
У христианства. Но мужик
Не признавал иного бога.
Кроме Перуна и Сварога,
Он ни в каких богов не верил.
И лишь Владимир, Ольгин внук,
Изрядно приняв с этим мук,
Русь утвердил в христианской вере.
Из рук епископа Акима,

А не от греческих попов,
От курсунянина из Крыма
Владимир принял крест Христов.
Но ещё долго русский смерд
Растил хлеба и шёл на смерть
С древнейшей верою в Перуна.
И вера в идолов жила
В сознании древнего села
Доколь жила в крови иммуна.

Но не об этом нынче речь.
Бояре думали на сходе,
Кто по наследству примет меч
И порадеет о народе:
Иль Святослав или Улеб?
Тот слишком мягок...
Тот свиреп... -
Кому же княжить на престоле?
И так и эдак перебрав,
Был ими выбран Святослав
С учетом материнской воли.
Хотя Улеб для Ольги был
И по душе, и к сердцу ближе,
Но россам больше подходил
Сын Святослав. А о престиже
Руси с младенчества мечтал.
Он и в сраженьях уж бывал
И знал не понаслышке войны,
А со дружиною и сам
Ходил по волжским берегам
И в сечах вёл себя достойно.
Умён и прост. Широко в плечах.
Был одержим, суров и смел он.
В его задумчивых очах,
Как будто небо голубело.
Ну прямо копия отца
И по натуре,
И с лица,
И по походке, Игорь с виду...
Ну, словом, выбор пал не зря,
Как и родители – князя,
Уж этот Русь не даст в обиду.

Деянья мирные княгини
 Уже тогда давали сбой.
 На многих рубежах России
 Вступали воеводы в бой.
 Вернувшись вновь к привычкам старым,
 То печенеги,
 То хазары,
 Тесня сторожевую рать,
 Врывались в русские просторы,
 И без достойного отпора
 Орду никак уж не унять.

И в первый год державной власти
 Князь, к изумленью вражьих сил,
 Снял гнёт хазар с восточной части,
 Булгар к рифсям потеснил,
 А возвратясь обратно в Киев,
 Князь бросил вызов Византии. —
 Дескать, пора платить «долги»...
 Его крылатые слова:
 «Иду на Вы»... - словно стрела,
 Пронзали душу и мозги.
 Чего ж ещё нам надо ждать?
 Князь воеводам молвил слово,
 Когда под Киев станет рать?
 У них уж всё к тому готово.
 И с Курей снюхались, однако.
 Придётся всё поставить на кон... -
 Тем боле трон без Константина,
 А эта девка Феофана,
 Убрав наследника Романа,
 На трон уж тащит армянина.
 Ну а уж этому маньяку
 Ни меч, ни стрелы нипочём.
 Он на войне уж съел собаку,
 Махая рыцарским мечом.
 Ему потворствовать нельзя.
 Он многим не давал житья,
 А Россам вытянет он жилы...
 Самолюбив, жесток и жаден
 И бьется он ни дела ради,
 А ради славы и наживы.

И Святослав был в этом прав.
Он знал их волчьи законы,
Что может каждый волкодав
Снять вместе с головой корону.
Трёх императоров подряд
В могилу свёл «змеинный яд»
Из рук Проздра и невестки...
И вот теперь на бранный трон,
Пройдя кровавый рубикон,
Уселся Иоанн Цилесский.
Но и ему недолго жить. —
Проздр отравит Иоанна.
Ну а пока весь мир дрожит
Перед жестокостью тирана.
Не упреди его, он в мах
Ворвётся в Киев на плечах
Того же Кури-живодёра.
Уж лучше у имперских стен
Стоять за вольный Борисфен,
Чем в отчем доме ждать позора.
Князь продолжал: Доколь же греки
На россос пялить будут глаз,
Заполонять чужие реки,
Кочевников травить на нас?
Считай, как дома, окопались:
Под ними Корчев и Танаис,
Под ними Крымская земля...
И Русь готовилась к походу
И в ясный день,
И в непогоду,
Литьём в корчийницах звеня.
А через месяц или два,
Илдея выждав на подмогу,
С полей лишь снег сошёл едва,
Князь вышел с войми в дорогу.
И через несколько недель,
Пройдя сквозь ряд чужих земель,
Он подошёл уже к Родопам.
Его муштрованная рать
Гнала заевшуюся знать,
Сдавая на поток холопам...
Ну и пока там суть да дело,
Князь полагал склонить болгар,
Им самодурство надоело

Чиновных греков и бояр.
И потому не раз Шишманы
Срывали греков, римлян планы
Колонизации страны.
Борис же ухом не ведёт... -
Ему плевать на свой народ
И на уклады старины.

Что говорить, он крепко связан,
Обложен был со всех сторон:
Во – первых, греками помазан
В Болгарии на царский трон;
И, во-вторых, его супруга
Из императорского круга
Всё к тем же грекам тяготит.
И потому сей царь дозвольный
Считал, что россов князь крамольный
И Византией будет бит.

Какой же с ним ещё союз?
Против кого? Против друзей?
Так я скорее удавлюсь...
Он говорил жене своей. –
На что мне россы – дикари?
Мне ближе наши алтари,
Единоверие соседей.
Уж лучше с греками дружить,
Чем грекам головы рубить
И гладить русского медведя.
Пока читал царь монолог
Царице, глядя в ясны очи,
И, вот он, князь, через порог
Ступил как будто между прочим.
Могучий. С чёлкой на плечи.
В нём и добро, и гнев души...
Увидев князя, бедный кесарь,
Раскрывши рот, потел, дрожал,
Как будто перед ним стоял
Не Святослав, а Юлий Цезарь.

Князь уловил царя волнение
 И, глядя на него в упор,
 Сквозь зубы буркнул без зазрения:
 Садись, чего дрожишь, как вор?
 Неужто я таков уж страшен,
 Что так ты мною ошарашен,
 Иль есть на то другой предлог?
 Я шёл сюда и был в надежде
 На дружбу братскую, как прежде,
 Но просчитался, видит бог,
 Великий дед твой Симеон
 Знал братству истинную цену.
 Сегодня б, не колеблясь он,
 Тебя бы вздёрнул за измену.
 Не ведал я, а ныне вижу,
 Что для тебя Ромеи ближе,
 Чем судьбы преданных людей.
 Нет боле мерзкого порока,
 Когда на трон по воле рока,
 Вдруг сядет жалкий лицедей.
 Тебе бы голову отсечь
 И прах твой выбросить шакалам,
 Ты не поднял ни разу меч
 На пользу подданным болгарам,
 А уж о братстве нет и речи,
 Когда стоишь ты против сечи
 С врагами родственных племён.
 Даю тебе на то полдня,
 Что б ты и все твои князья
 Оставили и град, и трон.

Князь вышел. Кесарь тут же в сборы.
 И к «братьям» грекам наутёк... -
 Но подоспевший Комит вскоре
 Борису голову отсёк.
 Ну а народ теперь был волен... -
 Под звон церковных колоколен
 Кто с хлебом шёл,
 Кто шёл с мечом,
 Вливаясь в русские отряды
 И вместе шли, как братья, рядом
 Душа к душе, к плечу плечом.

Десятки взяты городов
И князь, осев в Переяславце,
Уже был, в сущности, готов
С имперским войском потягаться.
И быть бы битве ведь тогда,
Если б не подлая Орда,
Внезапно взявшая в осаду,
Ряд русских крепостей в тылу
И в фанатическом пылу
Уже неслася к Киевграду.
И Святославу, как ни жаль,
Оставить рать пришлось на брата
И мчаться в отеческую даль,
Чтоб образумить супостата.
... Не ожидал злой печенег,
Как будто среди лета снег.
Могучей конною лавиной
Вдруг налетел лихой отряд,
Сминая всё и вся подряд,
Копыта, смешивая с глиной.
Рассеяв орды, Святослав
По весям отроков направил:
Олега до древлян услали;
Владимир в Новгороде правил.
Свой стол оставил за собой
Под властной княжеской рукой.
И собираться стал в дорогу.
Но все мы смертные под богом.
Он может дать,
Он может взять... -
На всё есть божья благодать.

Из жизни Ольга уходила.
Пред смертью сына позвала,
Надрывно с болью говорила
И тихо к предкам отошла.
В дубовой карете положили.
Жрецы вокруг кареты покружили,
Отдали почести богам
И закопали мать – княгиню
На высоте под небом синим
В могильный родовой курган.
С опустошенною душою
Князь оставлял «гнездо отцов».

Какой посмертною тоскою
Покрылось бледное лицо.
В груди, как птица, сердце билось.
О боги! Боги, что случилось?
Как будто я в последний раз
Гляжу на милую отчизну
И словно с собственной жизнью
Я расстаюсь в предсмертный час.

Князь шевелил едва губами
И безучастно вдаль глядел.
Перед потухшими очами
Миг целой жизни пролетел.
Как в стародавнем сладком сне
Он видел праздник при луне:
Вокруг гулянье, песни, пляски;
Девушки, словно стайки птиц,
И вплоть до утренних зарниц
Их зажигательные ласки.
Такая ночь запала в душу
И перед взором вновь и вновь
Плыла луна огромной грушей
И мнилась первая любовь.
Он чётко видел лик девушки,
Что в сердце бережно хранится...
Но время, словно жернова,
Всё перетёрло, перемяло...
Уж детвора повзростала
И поседела голова.
И где она теперь? Жива ли?
Кто приютил под кров её?
Иль уж давно под ковылями
Хранит молчание свое?
И лишь одна теперь отрада –
Воспоминанья, как награда,
Как плод мучительной любви...
Всё остальное – прахи гнусь
И даже мать родная, Русь,
Даёт лишь тяготы одни.

... Так выпьем, братья, что за скука?
 Налейте грождива полней,
 Чтоб нас не славил разлука,
 А делала стократ сильней.
 Да и не гоже россам – воям
 Пускать слезу пред бабьим воем,
 Мы рождены для битв!
 Князь приумолк. А вои дружно:
 Что ж, братья, выпьем, коли нужно,
 Коль выпить князь велит.
 А буде надо – будем биться.
 Мы за тобой, князь, хоть куда:
 В любую даль можем пуститься,
 Брать с боем вражьи города.
 А если пасть придётся в поле,
 То примем смерть по божьей воле,
 А Русь не посрашим.
 Да буде жив!
 Да буде здрав!
 Великий воин Святослав!
 Да будут боги с ним!
 Спасибо Вам за пожеланья,
 Однако, в путь уже пора,
 Чем будет дольше расставанье
 У отчего двора,
 Тем дольше будем мы в дороге,
 Уже истлел я весь в тревоге
 И сердце рвётся на куски
 От безучастья и бездействий.
 Кто знает где теперь Цимесхий,
 Быть может, уж привёл полки?

Его предчувствия сбывались:
 Ромей, обойдя Средец,
 Уже на улицах сражались...-
 И свенельд дрогнул наконец.
 Жестокой выдалась та сеча,
 Друг друга гробя и калеча,
 Как обезумевшие вои,
 Забыв про смерть,
 Забыв про жизнь
 Два дня и ночь тогда дрались.

Рубили, резали, кололи.
Не удержавшись, свенельд пал.
Погибла вся его дружина.
Ну а Цимеский город взял
И всей военною машиной,
Заслоны русские сминая,
Пошёл стремительно к Дунаю.
И ни Улеб,
И ни Орда
Не дали должного отпора.
И под Ромеевским напором
Врагу сдавались города.
Лишь подоспевший Святослав
Остановил триумф Иоанна.
И передышки им не дав,
Гнал Греков, чуть не до Лимана.
О этот Росс не так то прост.
Цедил Иоанн себе под нос.
Он в драке...
Что будет далее, боже мой?!
Неужели я вернусь домой
И посрамленным,
И побитым?
Мне не простит за это знать.
Что будет? Ведомо лишь богу.
Нет. Святослава надо гнать
В его медвежью берлогу.
Иначе голову сорвут
Иль, как преступника, сошлют,
Куда-нибудь в тиски пустыни.
Пока я жив и меч в руках,
Князь ступит только через прах
К стенам незыблемой святыни.
Но опасенья не сбывшись
Амбициозного Иоанна.
Уж россы вовсе не рвались
В просторы к древним агарянам.
А вот Ромеевский Столград
Уже не раз был россом взят,
Да, нынче приморились вои
И перед тем, как выйти в путь,
Остановились отдохнуть,
Осев на время в Доростоле.
С полсотни тысяч – двадцать пять,

Как говорили встарь, при шпаге,
Но Святослав решил стоять,
Дав фору русичей отваге.
Был город спешно укреплён.
По соображениям тех времён:
Прорыты рвы; насыпан вал;
Запасы сделаны на случай...
И каждый день в пыли едучей
Князь в воях выучку ковал.
Но и Цимесхий, скажем, тоже
Напрасно время не терял...
Его всечасно совесть гложет
За омерзительный провал.
И он от злости и от гнева
Обходит город справа, слева.
И обложив со всех сторон,
Приставив к крепости пороки,
Поспешно выдал даже сроки,
Когда падёт сей бастион.
Но на войне, как на войне,
Бог знает, что может случиться.
Уже сплошная брешь в стене,
А россы продолжают биться.
Уже недели две иль три
В осаде город, а они
Стоят, как прежде, и ни с места.
О боже, что же за народ:
Ни меч, ни голод не берёт.
С какого ж вылеплен он теста?
Бесился самодур - тиран. —
И вновь, и вновь таранил стены.
Он шёл на подкуп, на обман,
На провокацию измены.
И даже близок к цели был,
Когда предательски открыл
Ему Улеб ворота града.
Но заговор был тут же вскрыт,
Враг выбит был, Улеб убит,
И захлебнулась вновь осада.

И у войны есть свой предел.
Она кончается когда — то.
Наворотивши кучи тел,
Неугомонный император
Уж, потеряв в победу веру
И, проклиная зло химеру,
С постыдным чувством униженья
Остановил безумный бой,
С мечтой расставшись голубой,
Признав всю горечь пораженья.
Ромеи заплатили дань.
А Святослав и воеводы,
Однажды в утреннюю рань
Столкнули лодии на воду
И на попутном ветерке
Спустились к морю по реке
И по исхоженным дорогам,
Наперекор морской волне,
То на ветру,
То на весле
Неторопливо шли к порогам.
...На этом бы поставить точку —
Уж в дельте Борцефена рать,
Причалив к Хортице, в лесочке
Остановилась ночевать.
И было б так, но этой ночью
Продажный Куря всею мощью
На спящих россос налетел
С порывом мести и за злато,
Что греки выдали когда то
За исполнение грязных дел.
И это был последний бой,
Но бой жестокий и кровавый:
Князь с отсечённою рукой
Рубил налево и направо;
И вои с князем — бок о бок
Рубились насмерть, видит бог,
Но малочисленный отряд,
Врасплох захваченный Ордою,
Был обескровлен силой злою
И до утра был Курей смят.
Так вот, что чувствовало сердце

В последний княжеский отъезд...
Оно проткнуто иноверцем
И на судьбе поставлен «крест».
...Героев павших схоронили.
А Святослава положили
На струг под флагом у руля.
Зажгли, толкнули за весло,
И судно в море понесло
Под красным парусом огня.

Ярополк – узурпатор 972 – 980

Узнав о смерти Святослава,
Словены вновь в который раз
Чиня захваты и расправы,
К рукам опять прибрали власть:
Рогвольда родич – Ярополк
Взял с боем Киев... Можно ль в толк
Взять вот такое для сравненья,
Когда б какой-нибудь наш князь
На земли «бюргеров» вломясь,
Уселся с помпой на княженье?
Да никогда. Простите мне
За этот вымысел крамольный.
А в нашей русской стороне
Пинали власть, как мяч футбольный.
Вернёмся к сути: тут же в скором
Был взят и Новгород, лишь коридором
Сквозь малочисленный заслон
Владимир скрылся от врагов
И тьмою ночи через Псков
С дружиной вышел за кордон.
И восемь лет сидел на троне
Пришелец из земли чужой,
Держа народ, как скот в загоне,
Под узурпаторской пятой.
Он притеснял жестоко всех.
Им был убит и князь Олег
При штурме города Вручах.

...И вот, как гром в сиянии дня,
Владимир в полыми огня
Въезжает в Новгород под стягом.
Ликует радостный народ,
Встречая князя со дружиной.
Бежит из Новгорода сброд,
Обласканный Ярополком – вражиной.
Но Русь чрезмерно велика.
Свободный Новгород пока
Ещё кусочек лишь России.
И князь немедля тут же вновь
Без суеты,
Без лишних слов
Стал собираться в отчий Киев.

Ковался фронт,
Крепился тыл.
Гудел весь Новгород Великий
В нём, как в котле, народ бурлил
Разноязычный, многоликий...
И Ярополк об этом знал,
Но на своём, как впредь стоял
И требовал от новгородцев:
Умерить вольнодумный нрав,
Великокняжество признав,
Разоружить все воеводства.
Восстала русская земля.
Вскипели страсти до предела.
У новгородского кремля
Толпа безудержно гудела:
Долой убийцу! Прочь с Руси!
Возьмёмся, братья, за мечи!
Очистим Киев от поганца!
Веди, Владимир, за тобой
Все новгородцы ринут в бой
На ирода, на самозванца.
Князь был растроган до глубин
И вместе с ними был душою.
Но Ярополк был не один –
С ним Греки, Польша, связь с Литвою...
И то и это поприкинув,
Владимир снова меч свой вынул,

Прилюдно поклонился богу,
Отдал на жертвенник быка
И, поприветствовав войска,
Немедля двинулся в дорогу.

10

Так на Руси велось от века:
Захваты, распри, гнёт нужды...
И ни от немцев, ни от греков
Страдала Русь, а от вражды,
От бесконечных переделов
Народ нишал,
Земля скудела
И Русь катилась под откос.
Но наступал момент такой,
Когда под твёрдою рукой
Она опять вставала в рост.
И при Олеге,
И при Кие,
При славной Ольге, наконец,
Вставала на ноги Россия
И оживал народ окрест.
И вот теперь во след за ними
Почти у власти князь Владимир.
Ему немало предстоит
Вложить труда, ума и силы
Во славу матушки – России.
И он, как видите, спешит.
Три дня нелёгкого пути
Через трясины и завалы
И вот уж Полоцк впереди
Встаёт громадой величавой.
За частоколом городским
И шум, и гвалт, и едкий дым.
Весь город, ясно, на ногах...
Но нету слуг и нет господ,
Никто Владимира не ждёт
И засов виден на вратах.
Рогвольд отверг и предложенья,
И ультиматум не принял
И предстоящее сраженье,
На городнице молча ждал.
Но много чести было б шведу,

Коль русский князь его к обеду
Не снял бы с городнической стены...
Хотя затем, почти до ночи
Геройски дрались, между прочим
Его отважные сыны.
И Полоцк пал. Его бояре
Средь полыхающих огней
Перед Владимиром стояли
И ждали участи своей.
Князь высочайшее решение,
Как надлежит, без промедленья
Им вынес тут же, тот же час:
Отныне все родные земли
Под трон единый я приемлю
И под надзор беру я вас.
Князь помолчал и молвил далее:
Вас надо высечь бы плетьюми... -
Под гнётом Рогвольда страдали
Ведь наши братья по крови.
А вы служили, аки псы,
Поди уж деды и отцы,
Каков в вас образ видят чада?
Неужто стыд, вас не гнетёт?
Уже, гляди, который год
Под шведом, как воловье стадо?
Какие ж вы, бояре, россы,
Когда на вашей же земле
Сидят пришельцы-кровососы,
Как клещ на взмыленном коне?
Я вам оставлю воеводу
Он вас научит, как народу
И собственной стране служить.
Ну а теперь пошли все прочь.
...Уже к концу клонилась ночь. —
На небе зарево брезжит.

Оставив град, в тьму погруженный
Князь поднял войско и в ночи
Продолжил снова путь тяжелый
По весям Киевской Руси.
А через пару дней похода
В местечке Любич вои с хода
Лицом к лицу с врагом сошлись:
Свистели стрелы,

Пикигнулись,
Там реки крови бурно вздулись
И крики дикие неслись...
Кто правый был...
Кто виноват...
Ломали. Били. Шли лавиной.
Когда бьёт родина в набат,
Тут ни к чему искать причины
Есть божий суд – пусть судит он.
А воям думать не резон,
Им надо биться. Клич гласит.
Иль победить! Иль умереть!
Так было, есть и будет впредь.
На том и свет досель стоит.
Не предсказуем ход резни,
Как смерч, несущейся стихии...
То напирают вдруг одни,
То гонят их назад другие;
Повсюду стоны, крики, скрежет;
С плеч рубят, бьют, пронзают, режут...
И, наконец, к исходу дня
У вод кровавых над рекою
Победой новгородских воев
И эта кончилась резня.
О сколько русичей легло... -
Я пару слов себе позволю:
Россия испокон за зло
Платила всенародной кровью
И, не кривя душой ни малость,
Скажу, что Русь всегда держалась
На низших классах да служивых,
А все мздоимцы – богачи
Уж, коль и брались за мечи,
То ради власти и наживы.
Пока оставим в стороне
Поэта собственное мненье...
А Ярополк засел в «Родне».
Но выбит был без промедленья
С остатком подданных своих
И труп был найден среди них...
Так разрешён был кровью спор,
Как это было не впервые,
Один с триумфом въехал в Киев,
Другой сбежал, как подлый вор.

На месте всякого тирана
 Князь на семью излить мог месть,
 Но он из сущности гуманной
 В живых оставил всех, как есть:
 Рогнеду с малым Ярославом,
 Гречанку с отпрыском лукавым,
 Наследным князем самозванным,
 Наделавшим немало зла,
 За что Русь метко прозвала
 Его убийцей окаянным.
 И Святополк,
 И Ярослав -
 Ярополка родные дети... -
 Но вряд ли кто об этом знал
 И на Руси и в целом свете.
 Но, как известно, русский люд
 Ценить умел и честь, и труд,
 Будь то владык,
 Будь то рабов
 И не терпел надменных, злых
 Своих сатрапов и чужих,
 Чужих и собственных врагов.
 Однако, сделанный подлог
 Был прямо выстрелом в десятку.
 Скажите, кто ещё так мог
 Русь задирать «игрою в прятки»,
 Как ни Сильверст? Он не зря
 Подсунул князю в сыновья
 Наследных малолетних шведов
 От разных браков... А женой -
 Своею грязною стряпнёй -
 Назвал известную Рогнеду.
 Оставил всё пока как было
 Во глубине былых веков.
 Для нас прошедшее так мило,
 Что каждый Росс простить готов
 Любую блажь
 Любой персоне.
 У нас и нынче - то на троне
 Подчас шалют «князья»:
 Где надо миловать - казнят,
 А где казнить - они твердят,

Дескать, казнить нельзя...
Владимир был и твёрд, и прям,
Натурой схож со Святославом.
Он отдавался весь делам
И укреплялась вновь держава.
Но по сравнению с отцом
Он шел нехоженым путем:
Упрочил киевский престол;
Примучил северные земли
И, межусобья не приемля,
С корнями вырвал произвол.
Затем опять не ради славы,
А ради единенья сил:
С Волыни выгнал Мечислава,
Литовцев к месту пригвоздил,
Устроил мир с кочевниками,
Усилил мощь с Тьмутаракани
И вышел к Борисфену в дельте.
Он собирался долго к югу,
Чтоб усмирить сию округу —
Виновницу в отцовской смерти.
И вот пред князем степь без края:
Лежат, чернея, валуны;
Шумя и пенясь, Днепр гоняет,
Как стаи чаек, буруны.
И ни избы вокруг, ни люда,
Лишь ковыли белеют всюду,
Да вихри кружатся в пыли.
Да синь небес над головой
Висит, как купол голубой.
Да море плещется вдали.
О Русь — земля отцов моих!
Ты велика, необозрима!
Во славу мёртвых и живых
Богами древними хранима.
Князь опустил на колено
И продолжал — всё смертно, тленно,
Но ты не канешь и в веках... -
Ты будешь жить, страдать и биться
И жизни яркие страницы
На всех напишут языках.
И никакой Ордою тьмушей
Не сокрушить земли родной.
Тебе, отец, как сын, клянусь я

Заплатит Куря головой.
Князь не бросал слова на ветер.
Он той же ночью, на рассвете,
Под плотным пологом тумана
Прошел десятки вёрст пути
И, обнаружив стан в степи,
Как в мышеловке, запер хана.
Но окружить ещё полдела.
Так просто Курю не возьмешь,
Под ним не раз земля горела,
А проку в этом ни на грош.
Он, как и прежде, «мутит воду»...
Нередко делает «погоду»
На юге русских рубежей.
Он зло и ненависть несет:
Сжигает, грабит, гонит скот;
Теснит и мучает людей.
Однако сдал уже и Куря
И несравненно в этом год.
Он стих, как ветер, перед бурей,
Но дерзость в нём еще живет.
Он зол и дик.
В нем риск и ярость
Не поубавились. И в старость
Он на скаку коня ловил
И меч в мозолистой руке
Держал, как воин, налегке
И над Ордой владыкой был.
Но все равно приходит крах
Любой могущественной силе,
Погрызшей в войнах, в грабежах...
Так было, есть и будет в мире.
И вот теперь и кочевьё
Нашло пристанище своё... -
На поле трупами чернея.
В тяжёлом роковом бою
Хан положил Орду свою
И жизнь собственную с нею.

Околесив страну вокруг,
Упрочив русские владенья
И возвратясь в семейный круг,
Владимир вновь с завидным рвением
Занялся новыми делами:
Хозяйством, землями, князьями
И дел других невпроворот... -
Страна огромна, многолика,
А ну-ка разберись пойд-ка,
Чем она дышит,
Чем живёт.
Там смерды жалуются что то
На десекарей,
На бояр,
Там из купеческого порта
Ворьём выносятся товар;
Там учинил дебош скудельник –
Извёл жену и бросил в ельник.
К тому ж – казенные дела.
И кроме прочего всего,
Есть и семейство у него,
И князь в семействе том глава.
Он стал отцом уже не раз,
И вновь семья приумножалась.
Княгиня не сводила глаз
С детинца. Берегла старалась.
Росли, мужали сыновья,
Великорусские князья –
Опора русичей и слава...
На «кучу» княжичей одна
Была княгиней рождена
Княжна и дочь Предеслава.
А сыновья все, как один,
Куда ни кинь и вширь, и в рост.
Один черняв,
Другой блондин,
И всяк из них умён и прост.
И жить бы радоваться детям...
Но князь есть князь, и он в ответе
За всю державную семью.
Он должен править. Русь беречь
И, если надо, поднять меч

За землю русскую в бою.
А нынче снова беспокойно:
Имперский двор то тут, то там
Опять развязывает войны
И прибирает всё к рукам...
А тут ещё того похуже —
Василевс княжгих воев тут же
Втянул в Болгарский передел
Против комита Самуила.
От злости кровь у князя стыла
За этот мерзкий беспредел.
И вот опять, как ни крути,
А вызов брошен... Значит надо:
И честь державную блюсти;
И шведов вызволить из «ада».
И князь, нисколь не церемонясь,
Взял штурмом греческий Херсонсс
И с лёгкой княжеской руки
Потребовал: признать корону;
Царевну Анну себе в жёны;
И, наконец, вернуть долги.
А через несколько недель
Сей вражий город, как ни странно,
На свадьбе княжеской гудел,
Гордись красавицею Анной.
...Княгиня не чинила зла. —
Узнавши, постриг приняла
И удалилась на покой.
А князь, оставив жаркий Крым,
Вернулся к отрокам своим
Со славной юною женой.
Венчась с царственной особой,
Владимир тронут был до слёз...
И всей языческой утробой
Уж вознамерился всерьез
Сменить Перуна на Христа. —
Всю тяжесть брэнного креста
Он возложил на стольный город:
Карая плетью и мечём,
Там, где не «катаньем - мытьём»...
Но освящен был Киев в скором.
Всё действо было на Днепре —
Под попечением Акима.
Горели идолы в огне.

Вздымались к небу клубы дыма.
Плескаясь в водах, бедный росс,
Глазами красными от слёз
Со страхом пялился окрест... -
За поругание святых
Он ждал разгула духов злых
Иль обрушения небес.
Ни мало смердов и жрецов,
Не приняв княжьего крещенья,
Оставив кров своих отцов,
Бежало в дальние селенья.
Но ненадолго. – Вслед и там
Шло христианство по пятам.
И никакой всемирной драмы...
Под колокольный перезвон,
Под вопли дикие и стон
Шагнула Русь в святые храмы.
И не валились небеса...
И не кончался белый свет...
А Русь наполнив «паруса»
И за один десяток лет
Стала одной из сверхдержав,
Какой от роду мир не знал.
Но поменяв своих богов,
Подняв весомость государства,
Русь укрепили лишь боярство,
Народ не снял своих оков.
И догмы ветхого завете
Вбивали в мир благую мысль,
Что заставляло человека
Воспринимать мирскую жизнь,
Как испытанье перед богом,
Что жизнь делало итогом
Людских деяний пред судом...
И так под божиим законом
Стал смерд бесправен перед тронном
И беззащитен перед злом...

Народ нищал. Жирели Клесты.
А непреклонный в прошлом князь
Стал неуступчив и, при этом,
Неограниченную власть
Он сделал более жестокой.
Так в нашей древности далёкой
Был обусловлен вольный росс. —
В среде молящегося братства
Вживались бедность и богатство,
Как утверждал сие Христос.
И хоть сто раз сгори в огне,
Коль богом даден жребий:
Богатым — жизнь на земле,
А бедным — рай на небе...
И до теперешних времён
Взираем мы на небосклон
И просим слёзно бога:
Простить нам смертные грехи,
Подчас, чистойшей чепухи,
Гнетущей нас до гроба.
Но были люди той поры
Совсем другого сплава.
Они не раз под топоры
Ложили свои главы.
Их били, вешали и жгли,
Но не сдавались они:
За правду шли на эшафот,
Сражались за свободу.
Без них не выжить бы народу
Под гнётом собственных господ.
Но власть есть власть. У власти сила...
А что у смерда под рукой?
И смерду впрямь только могила
Давала волю и покой.
И никакой тогда прогресс
Не мог снять с плеч тяжёлый крест,
Который смерду дан с рождения.
И только правой подход
Мог уберечь простой народ
От полного закабаленья.
Но если нынче нам до права,
Как на ослице до луны,

Зачем же мудрствовать лукаво
О праве древней старины?
Уже почти две тыщи лет
Живет бесправным русский смерд.
И можно биться об заклад:
Ещё немало лет пройдет,
Когда Россия обретёт
Достойный правовой уклад.
Прошу простить мне вольность эту.
Я был бы рад, коль всё не так,
Но Русь не раз с сумой по свету
Пускал какой – нибудь дурак.
Не правовес государство –
Есть царство тьмы и это царство,
Каким бы ни было оно,
Но суть его всего одна:
Антинародна и вредна,
Другой оценки не дано.
Но и от мудрости владык
Всегда зависело немало,
Как принимал простой мужик
Все их державные начала.
Владимир был один из тех
И осуждать было бы грех
Его деянья перед богом.
Он, как никто – нибудь другой,
Был и владыкой, и слугой
И непомерно сделал много:
Он укрепил свою страну;
Он окрестил народ великий;
И Русь обязана ему
В искоренении распри дикой.
К единству нации стремясь,
Князь создал церковь, дал ей власть,
Был ей за сына и отца... -
И даже назван был святым,
И вписан шрифтом золотым
И в память россов и в сердца.
Ну а пока Владимир жив
И продолжает Русью править.
Он жён своих уж пережил,
И сам уж стар (чего лукавить).
Там что-то колет,
Там болит...

Но положение не велит
Ему быть слабым. Не нарочком,
Моргнуть и глазом не дадут,
Тут «купят»,
Тут и «продадут»... -
И «запад сделают востоком»...
И князь бразды в руках держал
И сыновей готовил к власти,
Не допуская дележа
России – матушки на части.
Борис готовился на трон,
Но, к сожалению, и он
Не удостоился той чести... -
Напав, сыны Ярополка,
Убили князя – старика
И трёх сынов его на месте.
...Князь пролежал в старинном храме
Лет двести, более того,
Пока монголы не сровняли
С землей и храм, и прах его.
И в толчее многоязыкой
Никто не вспомнил о великом,
Могучем князе и отце,
Лишь Невский, стоя перед богом,
Поклоны бил о предке строгом
С печатью скорби на лице.
Как ни хулил князя Сильвестр
(своею подгасовкой гнусной)
Владимир был для нас и есть
Великий князь державы русской.
Ведь на таких князьях, как он,
И Русь держалась испокон...
Он правил Русью сорок лет,
Без трёх годов, если уж точно.
Он сделал Русь могучей, прочной
И поднял ей авторитет.

Покончив с княжеской семьёй,
Находники, как в волчьей стае,
Загрызлись насмерть меж собой
И года три огни пылали,
И кровь невинная лилась.
Вдруг Святополк убит был. Власть
Попала в руки Ярослава.
Но корни киевских князей
Ещё остались. И поздней
Россия вновь торжествовала.
Недолго княжил Ярослав,
Усевшись на пригретом месте.
Наследный княжич Митислав
Уже достаточно известен
Для многих иноземных стран,
Последний был из могикан
Владиминова рода,
Изгнавший Ярослава прочь
На земли предков в полночь,
И Киев вновь дышал свободой.
Ничто не вечно под луной... -
Князь Митислав скончался вскоре,
А князь по прозвищу «Хромой»
Уселся снова на престоле.
Теперь уже надолго сел...
Он тут же сразу повелел
В Острог отправить Судислава,
Лишив его наследных прав.
Так находник к рукам прибрал
И власть,
И русскую державу.
Кто не садился нам на шею...
Как вол, выносливейший росс
Терпел и гнёт, и ахинею,
Что иноземец в купе нёс.
Но приходили времена,
Когда вставал росс в стремена,
Мечами торил путь державе
И поднимал с копьём народ
До всеми признанных высот.
Ну а теперь о Ярославе...

(Ярослав Мудрый 1036-1054)

Год тысяча тридцать шестой
Для Ярослава стал началом
Вхожденья в титул непростой.
В краю суровом, одичалом... -
Как выражались часто вслух,
И император, и пастух
Цивилизованных империй.
Но Русь была, какая есть.
В ней уживались гнусь и честь,
И нищета, и богатеи.
Князья за власть дрались, а смерд
Валил леса, растил детей
И будто дела ему нет
Ни до Руси,
Ни до властей.
Всё было так, как и теперь:
Кому соху...
Кому портфель...
И никаких тебе гвоздей.
Любой подлог,
Любой препон
«Князья» тасуют под «закон».
Закон тасуют под «князей»...
Я б мог оставить в стороне
Предмет недавнего запрета,
Если б на собственной спине
Не перенёс бордель весь этот.
А посему: для всех особ
Предпочитаю правду в лоб,
Чем лицемерить, лебезить.
Поэт на то он и поэт,
Чтоб мог кобылы сивой бред
От сущей правды отличить.
Мы Ярослава много славим.
Прозвали «мудрым»... А ведь князь
Пришёл кровавыми путями
На русский трон. И, не стыдясь,
Сидел на нём лет тридцать с лишним.
И всё нам кажется обычным:
Пришёл, убил, прибрал к рукам...
Пусть швед он, немец, пусть он грек...
Так на Руси из века в век

До «лампы» было мужикам.
Хотя и пришлые князья
Не раз являли образец
И Ярослав, хоть бестия,
Но несомненно был мудрец.
Он написал законов свод,
Из коих и теперь живёт
Трактат о судьях и присяжных.
Князь издал множество уставов
По части норм,
По части права
И ряд других догматов важных.
Он книголюб великий был
И потому, пожалуй, сразу,
Сев на княженье, учредил
Книгоиздание. Создал базу
Для перевода древних книг
На русский коренной язык —
Язык великого народа.
Князь создал несколько училищ,
В которых некогда учились
Питомцы княжеского рода.
Князь узаконил, наконец,
Введение летописных дел,
Где каждый пишущий чернец
Свободой должною владел
И доступом к архивнымкладам...
И позже уж, дыша на ладан,
Он не бросал пера однако.
Писал трактаты о земле,
О беглецах;
О кабале;
И, наконец, о бортовых знаках.
Князь окончательно изгнал
С российских весей печенега.
Он бился, строил, Русь держал
В руках «от Альфа до Омега»...
И ныне Киевград хранит
Соборов древних колорит,
Что вызывает изумленье.
Всех добрых дел не перечеть,
Что составляют князю честь.
Но за убийства нет прощенья...

И будь он трижды мудрецом
Для россов был он князь – убийца.
Мы чтим великих праотцов,
Не устаём ими гордиться,
Но презираем ложь и гнусь,
С какою шли не раз на Русь
Охотники за княжьей властью,
И Ярослав тому пример. –
Он был и князь, и изувер,
Заложник зависти и страсти.
Но и при нём ещё страна
Была единой и могучей:
От вражьих орд защищена
И от раскольников (на случай).
Это потом его сыны
Смешали с грязью лик страны,
Затеяв распри меж собою...
И целых триста с лишним лет
Был кровью залит белый свет. –
Шёл князь на князя с голытьбою,
И нынче тени тех владык
Мелькают, словно приведенья,
В хаосе злоб, убийств, интриг
И аморального растленья.
Они не стоят добрых слов.
Мне жаль их доблестных отцов,
Почивших некогда во славе,
В надежде трепетной на чад... -
Что Русь толкнули на распад,
Забыв о долге, о державе.
Однако я в свой скудный слог
Обязан втискивать портреты
Владык Руси любых эпох –
Упадка, взлёта и расцвета.
Быть белых пятен не должно.
Деянья светлые и зло,
Они, как радость и печаль,
Идут всегда по свету рядом... -
Есть в жизни место и усладам,
Есть и страданиям, как ни жаль.

(Изяслав 1054 – 1077)

За Ярославом Изяслав
Взял в руки скипетр державной власти,
Но эту власть не удержав,
Он взялся Русь делить на части:
Тому Смоленск,
Тому Вольнь,
Всем по серьгам. Куда ни кинь –
Князья, да хилые княженя:
Измены, бегства за кордон;
Босая чернь, да плач и стон
В убогом лике разоренья.
Теряла Русь престиж опять.
В стране усиливались тренья.
Народ бурлил. Роптала знать,
Кляня бесславное правленье.
Толпы разгневанной страшась,
Недальновидный русский князь
Искал поддержки за кордоном.
Подарки щедрые даря
Германским, польским королям
За помощь в закрепленье трона.
Ну что ж бывало и не раз,
Когда поляки или немцы
Спасали русичей от распрь
В силу каких-либо тенденций,
Ну скажем, за хороший куш,
Иль россов князь был верный муж
Любимой королевской дочки... -
И уж тогда само собой,
Везли несчастного домой
И помогали ставить точки...
Но это дело королей
(Да и к тому ж давно не ново)
Драть шкуру с русичей – князей,
Да и с народника чужого,
... Так досидел свой княжий срок
Очередной пустой князёк,
Пустивший Русь по воле волн,
И никаких полезных дел
Сей сударь сделать не сумел,
Что б укрепить российский стол.

(Всеволод 1078 – 1093)

Не сын, племянник Изяслава
На властный пьедестал взошёл.
Русь от князей уже устала.
Один был слаб... Другой смешон... -
Но о князьях судить негоже,
Ведь каждый шёл из них, похоже,
Не управлять страной, а править...
Князей на трон не выбирали.
Они рождались «королями»...
И мне тут нечего добавить.
Безвольный Всеволод не смог
Остановить разброд в князеньях,
Где каждый князь – простит мне бог –
Вёл в доме собственном сраженья.
Шли брат на брата, сын на отца
И распрям не было конца.
Теснили, грабили народ
И тиуны,
И проходимцы,
И всеможные мздоимцы,
Ползущие со всех широт.
К несчастью, в межусобный спор
За все земные прегрешенья
Случились засуха и мор
И вслед за тем землетрясенье.
Не сосчитать тех страшных бед,
Что пережил несчастный смерд
В разгуле мрака и стихии.
И, право, всяк бы край зачах,
Коль не явился б Мономах
В пик угасания России...
Отец и сын одной крови,
А как разнились меж собою,
Равно, как небо от земли,
Отлично нежной синевою.
Тот мягкотел, а сей жесток.
Тот божий раб, а сей пророк:
Он дальновиден и напорист;
Годами юн, а сам могуч... -
В нём и добра светился луч,
И уживалась злая корысть.

Об этом позже. А теперь –
Князь Святополк стал Русью править.
Но этот тоже, как ни мерь,
Не смог ничем себя прославить.
Он сам собой не из владык:
И малодушен;
И безлик;
И самомнимый;
И труслив.
Но вероломен и жесток.
За несравненно малый срок
Он зол немало натворил.
Непредсказуем и нелеп
В своих сужденьях и деяньях.
Он превратил Россию в склеп,
Обрѣк её на вымиранье.
Скудела русская земля:
Позаросли травой поля;
Стада разграблены. От страха
Губил князь смердов и господ.
Он отправлял на эшафот
Даже послушников – монахов.
Междоусобная грызня
С участием половецких ханов
Была циничной донельзя –
С убийством, казнями, обманом...
Так дальше длиться не могло,
Ибо насилие и зло
Взрывали долгое терпенье
И вызывали бунт и хаос,
Что, как всегда, у нас кончалось
Погромом, кровью, разореньем.
И Мономах остановил
Разгул Орды и княжких споров:
Одних посѣк, других пленил,
Избавив Киев от позора.
Но Русь «лежала на боку»
И уж никак Святополку
Её поднять было не в силах.
Да видно, к счастью, видит бог,
Он вдруг внезапно занемог
И вслед отпели Михаила...

Владимир Мономах (1113-1125)

Не раз спасал могучий князь
Святополка и Русь святую,
Смывая кровь,
Смывая грязь,
Щадя на троне обалдуя...
Ну а теперь сам бог велел
Взвалить на плечи кучу дел
И Русь испробовать поднять
За «хвост», как загнанную лошадь,
К тому ж и россы князя просят
Их под защиту княжью взять...
Так оказался у руля
Потомок праотцов – словенов,
И снова русская земля
Вставала во весь рост из тлена.
Хоть род и пришлый, сам же он
Был Русью – матушкой вскормлѣн
И Россом звался от рожденья.
Он за Россию был готов
Пролить и кровь, и семь потов,
И в этом не было сомненья.
Хотя, по правде говоря,
Не разобрать корней в той «каше»:
Дочь Византийского царя
Была родной его мамашей
И сам женат был на саксонке...
Тут нужен ум и юмор тонкий,
Чтоб раскрутить сплетенья эти.
Да бог с ним, это не вопрос,
Кто правил Русью, грек иль росс
Таких чудес немало в свете.
Ну, скажем, тот же Михаил
Брал в жѣны дочь Тугоркана
Не из любви ж ведь, а хитрил,
Чтобы задобрить злого хана.
Князья держалися за трон
И эти «сделки» испокон
Периодически случались.
Но этот жест не для владык,
Владыки не теряли лик,
Они с врагами не братались,

И Мономах не для потех
Так часто вязывался в драку.
Он чуть ли не один из всех
Лет двадцать Русь тащил из мрака
При князе, действующем на троне.
Он видел Русь, как на ладони,
И как никто-нибудь другой
Крепил великую державу,
Даруя ей и мир, и славу,
Отнюдь не за чужой спиной.
И сыновья ему под стать:
Тверды, воинственны, смьшлены...
Один болгар с Руси гнал вспять.
Другой Орду громил близ Дона.
А третий финнам и ливонцам
Давал урок, как жить под солнцем,
В миру, в согласии с соседом,
Не нарушая норм и правил.
...И каждый след из них оставил
Не хуже именитых дедов.
Так Мономах и сыновья
Преобразили лик Отчизны,
Хотя очищена земля
Была ценой немалых жизней.
Но это было ведь всегда,
Скажите, кто брал города,
Вроде прогулок по Бродвею?
А тут от Киева за Дон
Прогнали, лезших на рожон
Остервеневших Берендеев.
В триумфе доблестных побед
И становления державы
Князь покори́л весь старый свет
Своими ратными делами.
Уже и запад, и восток
Страшились пасть у княжьих ног
Иль лечь на киевскую плаху.
А Византия и тем боле
Боялась «дырок на камзоле»,
Проткнутых грозным Мономахом.

Алексий Комнин неспроста
Прислал с дарами Неофрита.
Дар животворного креста
И важный сан митрополита
Являлись сами по себе вершиной царского вниманья,
Ну а для должного признанья
И деловито,
И с размахом
Митрополит вручил Бармы,
Златую цепь – дань старины
И шапку деда Мономаха.
А уж за тем пред алтарём,
Как и должно быть принародно,
Провозглашен был князь царём
Под этой шапкой инородной...
Но на Руси это не новь.
Уже лилась однажды кровь
За утверждение короны.
Русь была вотчиной князей,
А с коронованных царей
Она писала лишь иконы.
Как титул князя не меняй –
Зови царём,
Зови монархом,
Не мог стать вмиг «медвежий край»
Подобен европейским царствам.
И Русь жила – жила, как встарь,
Ей всё одно, что князь, что царь...
К тому пройдут ещё века,
Когда весь люд непримиримый
Враз соберёт в кулак единый
Царя всесильная рука.
Но Мономах был князь велик
И трона царского достоин... -
Он был и барин, и мужик
И, несомненно, славный воин.
Его побед не сосчитать:
Он сотни раз бил вражью рать,
Пленил отпетых подлецов,
Топил их в реках и казнил.
Он для врагов грозой был,
Для россов был родным отцом

И нынче знает каждый росс
Его достойные заслуги:
Он через Днепр построил мост;
Он примирил князей в округе;
Он перенёс святые мощи,
Казалось бы, чего же проще
Богоугодного деянья?
Но ведь не сделал же никто,
Имея власть и долг на то
Не из любви, ни с покаянья.
Он выше всяческих похвал
Достоин почести и славы.
Но Мономах был не кристалл,
Он совершил и грех немалый. —
Сильвестра старческой рукой
Он совершил подлог такой,
Какого Русь ещё не знала.
И, съев пуд соли, не поймёшь
Сию изысканную ложь,
Что Рюрик дал Руси начало.
Что всё де с Рюрика пошло
И с прекращения набегов...
И с этим Рюриком родство
Он втиснул вещего Олега.
Так сыном Рюрика стал Игорь.
В водовороте этих игр
Князь узурпатор Ярополк
Стал сыном князя Святослава.
Сильвестр и гнусно, и лукаво
Лепил свой злополучный слог.
Он переделал на свой лад
И Никона,
И Нестора
И Мономаху сей расклад
По замыслу соответствовал.
На кой же ляд Сильвестров «босс»
Пустил три века под откос
Под эту бутафорию?
Ответ тут прост: премудрый князь,
Что б узаконить свою власть,
Переписал историю.
Он россов, шведов и словен
Собрал в одну сословную,
Что каждый стал абориген

С такою родословною.
Там Мономах дал всем понять,
Что в праве трон он укреплять
За родом узурпатора.
И никакие возраженья
В душе не вызвали стесненья
У князя – комбинатора.
Хоть князь и многое сумел,
Как было уже сказано,
Но всё собранье добрых дел
Корыстью было смазано.
Ну, что ж и князь никак не бог...
А сей запутанный клубок
Пускай по малой толике
В раздрае и в полемике
(Как спорят академики)
Распутают историки.
Вот только жаль, что столько лет
Вбивали нам теорию,
Что имя Русь принёс нам швед,
Сниспослан божьей волею,
Тогда, как всё наоборот,
Древнейший на планете род
Пришёл ни с севера, с востока.
И уж тогда он звался росс.
А шведо – рюриков курьёз
Явился плодом кривотолка.
Скончался князь уже в горах,
И Русь, и близких ввергнув в горе,
И упокоен его прах
В древнейшем Киевском соборе.
Но и поныне чтится он
Среди достойнейших имён,
Дерзавших в годы лихолетья.
Оставил Мудрый Мономах
Свой след и шапку в соболях,
И «ребус», брошенный в столетья...

Ночь на поле Куликовом

1

Дремлет поле Куликово.
Тихо плещет Дон — река.
Месяц тонкою подковой
Режет в небе облака.
Глушь. Да ночь
Под чёрным сводом...
Люди, сбившись у огней,
Утомлённые походом,
Ждали участи своей.
Кто дремал.
Кто спал глубоко.
Кто под хохот байки гнул.
Кто-то грустно, одиноко
Песнь печальную тянул.
В этой песне столько боли,
столько выстраданных слов,
Словно Русь сама в неволе
здесь лежала у костров.
Где-то кони ржут тревожно,
Бьют копытами в ночи.
Где-то тихо, осторожно
Вдруг заплакали сычи,
Что за знак,
Что за примета?
К худу это иль к добру?
Всё одно — что так, что эдак:
Затрубит горнист в трубу
И начнут колоть и резать,
Рвать кольчуги,
Рёбра мять.
И пойдут, стеной полезут
Друг на друга,
Рать на рать.
Будет жарко!
Будет страшно!
Кто кого... - исход один.
Бой кровавый рукопашный
Он похлеще пуль и мин.
Мина взвыла, пролетела,
Невидимка пуля — тоже.

А копьё — дряное дело -
Миг один, и ты... О, боже!
Рот кривя, глаза тараща,
Жертва валится, как сноп.
Тут любого в одночасье
В жар бросает и в озноб.
Никакую там «Катюшу»
Не сравнить на этот счёт,
Если вдруг самую душу
На глазах копьём проткнёт.
В рукопашном бьются нервы,
Тяжесть вся на них лежит,
У кого сдадут, тот верно
Будет пикую прошит.
Ну да что я всё о смерти?
На войне, как на войне,
Но, однако, соизмерте:
Жутко в этакой резне.
В битвах наших славных предков,
Как ты старь ни вороши, -
Побеждало и нередко,
Хладнокровие души.
А ещё — любовь к Отчизне,
Будто к матери родной,
За неё платили жизнью,
Жизнью тысяч — не одной.
Вот уж князи знали цену
Нашей матушки — Руси,
И карали за измену
Так что, Боже, упаси...-
Впредь другим на ум не лезла
Блажь, какая ни на есть.
Ох, как было бы полезно,
Нынешним «князьям» учесть:
Государственное бденье
Древних русских воевод,
Не к распаду - к единению
Призывающих народ.
То, что в этом наша сила,
Знали семь веков назад.
...Что наш разум помutilo,
Что толкнуло на распад?
Будут знать затем потомки,
Им дано о нас судить,

Только если наши ломки
Им удастся пережить.
...А пока костры пылают
И горнисты не трубят,
В небе звезда догорают,
Люди бодрствуют и спят.

2

Князь не спит.
Тревога гложет,
Как всё сложится в бою,
Победит он или сложит
В битве голову свою?
Принесёт ли сеча злая
Людю русскому покою
Или вновь земля родная
Будет выжжена Ордой?
Снова мрак и гнёт надолго,
Муки сирот, слёзы вдов,
И опять пойдёт на Волгу
Дань из русских городов?
И картина за картиной
Вызывали боль и срам...
Нет, скуластая вражина,
Нынче Русь тебе не сдам!
Изойду в сей схватке бранной,
Живу быть или не быть,
Сколько же Орде поганой
По Руси с мечом ходить?
Вскрикнул князь в порыве гнева:
Испокон веков на Русь,
Да простит святая дева,
Лезет этакая гнусь:
То клобуки;
То булгары;
То Хазарский каганат;
Полтора ста лет татары
На горбу у нас сидят...
От набегов и под игом
Русь теряла сыновей.
В битве с половцами Игорь
Пал с дружиною своей.
Сколько русичей уж пало?

И печальный счёт растёт.
Уж давно пора настала
От «ворот дать поворот».
И с Ягайло, и с Олегом
Надо учинить разбор.
Князь, а хуже печенега,
Божья мать, Стыд! Позор!
Русич княжеского рода,
А бежит под ханский стяг..
Но в семье не без урода,
Было, есть и будет так.
Самолобцы, властолюбцы,
Мать готовые продать,
Им сподручней с душегубцем,
А на Русь им наплевать.
К счастью, их таких немного.
Русь взрастила молодцов,
Верных родине и богу
И традициям отцов.
С ними я и выйду в поле
На Мамаеву Орду,
Ну а тут уж - божья воля,
Смерть иль славу я найду.
И уж если что не в руку,
Божья милость обойдёт,
То приму любую муку
За поруганный народ.
Дмитрий смолк, потупив очи,
Глядя в гаснувший костёр.
...Хан силён, коварен, точен,
Ко всему тому хитёр.
-Тьфу ты, напасть, что за мысли
Бередят рассудок мой?..
Уж скорей бы день, да вышли б
Рати на смертельный бой, -
Буркнул князь,
Шагер раздвинул,
Вышел в темень от огня.
Рдел Восток кровавым клином
Занимался заря.
Час, другой и день настанет,
Судьбоносный, роковой... -
Для Москвы и для Казани -
День развязки вековой.

Утро медленно и мглисто
Раздвигало горизонт.
Но с восходом стало чисто.
Синий купол, словно зонт,
Сшитый наскоро из ситца,
Над округою навис.
...Две реки под ним струится,
Уходя куда-то вниз.
Между ними степь пустая,
Хоть кати по ней шаром.
А на ней шатры Мамаю
С ханским вычурным шатром.
И стоит хан трое суток,
Не тревожа свою рать,
Будто он приехал уток
На Непрядве пострелять.
Но оставим шутки с ханом,
Он не зря тянул... Хитрил:
Он готовился тараном
Проломиться в русский тыл.
Развернуться мигом в клещи
И в железные клыки
Взять с полками князя, если...
Дрогнут русские полки.
Только «если» всяк бывает:
Будешь бить, иль будешь бит;
Хан такую притчу знает,
Потому и не спешит.
Он на Русь ходил немало,
Знает, как их, русских, «братъ»,
Приходилось, бывало,
Самому от них бежать.
А куда бежать-то русским
От родного очага?
Лучше б им сносить холуйски
Гнет могучего врага.
Да сидеть мирком и ладом
И владык боготворить,
Чем себе и своим чадам
Гибель верную чинить.
Размышлял Мамай на ложе,

Мысли вились, словно рой:
Что-то Дмитрию, похоже,
Надоел уже покой:
Захотел размяться, княже,
Пوماхать мечом; ну, что ж,
Поле брани нам покажет,
Кто на что из нас пригож;
От Батыевых времен
Ханство силою давлело,
Русь ходила на поклон
И перечить нам не смела;
Не срывала дань поставок;
Под особый ханский сказ
Синееких полонянок
Отдавала нам не раз,
Жаль ей было их, понятно.
Ну, так мы ж потом обратно
Возвращали их домой...
Хан скривился в злой усмешке:
Непокорна лапота,
Даже бабы их, орепки...
Не расколешь без кнута.
И пустился безумолку
Хаять Русь, князей, их жен,
Наконец, свихнулся с толку:
О! Аллах, взмолился он,-
Да прости мне прегрешенья
За недобрые дела,
Помоги в момент сраженья...
О, всевышний!
О, Аллах!
О, защитник правоверных,
Дай мне воли.
Дай мне сил.
Помоги побить неверных
И прости, коль согрешил.
И стоял хан на коленях,
Тычась лбом о край ковра,
Между тем бежало время:
Два часа прошло с утра,
А полки все на привале;
Глух и нем передний край,
Все, как есть, чего-то ждали,
А точнее — ждал Мамай...

Ждал и мучался в догадках,
Что Московия молчит,
Отчего сей витязь «хваткий»
Сборы к бою не трубит?
Видно князь -----
Не жалеет своей шкуры,
Коль пошел на нас с мечом.
Он и с виду крепок, ладен,
Шутки с ним нельзя шутить,
Против шерсти не погладишь,
Может пальцы откусить.
Да и вся она, Россия,-
Рассуждал в раздумьях хан, -
Необузданная сила,
Как бурлящий океан.
Собери уделы княжьи
Под единый Цареград,
Никакие силы вражьи
Перед ней не устоят.
...Ну, а мы назло и зависть
И России, и другим
Все и вся вершим покамест
И могущество храним.
Снизойдет пророк навстречу,
Ханство не сгорит в огне.
О! Аллах! Да будет вечен
Трон владыки на земле.

4

Вот уж полдень.
Знойно.
Тихо.
Пустошь дикая кругом,
Да над полем вихри лихо
Поднимают пыль столбом.
Ни зверька тебе,
Ни птицы...

Даль пустынная курится
Уплывая на глазах.
И ничто не предвещало
Никакой-такой войны,
Но, однако, ждут начала...

С той и с этой стороны.
Ждут.
Готовятся серьезно,
Скрыто,
Тайно там и тут.
Друг за другом осторожно
Наблюдение ведут.
И по всем военным меркам,
Как и надо тому быть:
Есть дозоры,
Есть разведка.
«Языка» могли добыть.
Что и делал князь при этом
Время даром не терял...
Он владел уже секретом,
Что Мамай подмогу ждал.
Знал и многое другое,
Чуть ли не из первых рук
И готовил войско к бою
По всем правилам наук.
Каждый знал свои задачи
Перед битвою и в ней
И не может быть иначе
На родной земле своей...
Уж куда идти-то дальше?
До Москвы рукой подать.
Отступали.
Было раньше.
Нынче надобно стоять.
И от мала и до велика,
Это знали все подряд.
И сойтись с Ордою дикой
Честь и Родина велят,
И такая постановка
Шла на пользу ратных дел.
Одним словом, подготовкой
Каждый ратник овладел.
Конник, он взгляни, готовый:
Конь осёдлан боевой;
Не болтаются подковы;
Шея выгнута дугой;
Он накормлен;
Он напоен;
Подготовлена броня,

Если точно-конный воин
Был готов с приходом дня.
Пеший - тоже все доспехи
Подготовил,
Так сказать.
Битва не предмет потехи.
Чтобы в ней халтуру гнать.
Все готовы.
Всё готово.
Враг по-прежнему молчит.
Перед битвою суровой,
Надо думать, он не спит...
А пока что суть да дело,
Подзаправившись едой,
«Русь» под солнцем души грела.
И Орда само-собой...
Наслаждалась кониной,
С бурдюков кумыс пила
И под крышею единой
Битвы с русскими ждала.
Но ни те
И не другие
Толком сути не поймут,
Почему полки лихие
В бой доселе не ведут?
Что же сдерживает хана
Развернуть свои полки:
То ли тактика обмана,
То ли что-то не с руки?
Но для ратников не гоже
Сомневаться иль роптать,
Пусть сгорит под солнцем кожа,
Но сидеть и надо ждать.
Час иль два
Иль может сутки,
Всё равно сиди и жди,
Сотни тысяч не для шутки
Полководцы привели.
Девять орд пришли с Мамаем,
Семьдесят князей при нём.
Сбиться можно их считая,
Но считать будут потом.
А сейчас, гляди-ка, что там
Засновало средь шатров?...

Видно, кончилась «зевота»-
Войско ханское пошло.
Ждал Мамай свою подмогу,
Не дождавшись, повелел:
Трубачам трубить тревогу;
На коня в доспехах сел,
В поле выехал со свитой,
Поднял рати лиходей,
Среди свиты с плешью бритой
Знаменитый Челибей.
Один вид его квадратный
Дрожь неволью вызывал;
И в больших,
И битвах малых
Он зверел и, словно бес,
С ног валил бойцов бывалых,
Будто пильщик валит лес.
Дмитрий был о нем наслышан,
Потому на княжий зов
Мужичина рослый вышел:
Бородач, могуч, здоров,
Поклонился князю в пояс,
Молвил слово:
Князь, мой свет!
Инок к постригу готовясь,
Дает господу обет:
Никогда не брать оружия,
Никому не делать зла,
Но теперь, я вижу, нужно,
Мать — Россия позвала.
Пусть простит меня спаситель:
Грешен,
Каюсь я в грехах.
Хоть паду — моя обитель
Отплет мой бранный прах,
Но коль нет, то буду биться,
Не жалея живота.
А теперь дозволю проститься,
Уж «обрыдла» суета.
Я готов сразиться вровень
С пришлым ворогом в бою,
Будь, князь-батюшка, спокоен
Я Руси не посрамлю.
И пошел чернец по полю,

Крепкий, мощный, как утес...
Я к чему о нем глаголю?
Это ж наш великий Росс!
Сколько их, простых монахов,
Чудо — свет богатырей,
В просолившихся рубахах,
С вражьей силой средь полей
Бились насмерть, Русь спасая?
Всех навряд ли перечесть.
Но в истории мы знаем,
Имена такие есть,
Что и летопись сама-то
Без таких имен пуста,
Как столица без Арбата,
Как храм Божий без креста.

5

Солнце к западу клонилось.
Солнцепек спадал. Жара.
Вдруг прохладой сменилась
Долгожданная пора.
Уж, казалось, вот настала:
Миг один и напролом
Движет серая орава,
Словно мощный бурелом,
Всё сметая,
Всё карёжа...
Реки крови потекут.
После битву лишь итожа,
Уцелевшие поймут.
Жить -----
А сейчас, в шеренгах стоя,
Шла на ум иная мысль,
Ну, к примеру: ждёт невеста
Удалого молодца.
И, понятно,
Как известно,
Ждёт живым... - Не мертвеца.
У кого — то мать-старушка,
Кто-то трав не накосил,
Кто-то не срубил избушку,

Кто-то рошу не срубил,
Кто-то клин свой не засеял,
А теперь кусает ус
И, считай, почти над всеми
Тяготел какой-то груз.
Но в удачу верил каждый,
И чему бы там не быть
Помирать оно-то дважды,
Не придется... Но пожить,
Ох, как каждому хотелось,
(Видеть, слышать и дышать)
И в душе надежда тлелась,
Сколько теплилась душа.
А пока душа-то в теле,
Ею надобно владеть,
Чтоб в тяжелом ратном деле
Орды вражьи одолеть.
Воин, он на то и воин,
И судьба его, как знать?...
Либо лавров он достоин,
Либо мертвому лежать.
Перед битвой Дмитрий скажет:

Братя, жизнь, как свеча,
Загорелась и сгорела,
Превращаясь в черный прах;
Нам народ доверил дело,
Пламень коего в веках
Не погаснет в русском сердце,
Что бы с Русью не стряслось.
Так сразимся ж с иноверцем,
Чтобы сей незванный гость
Не поганил наши нивы,
Не чинил над нами гнет.
Бог не выдаст, будем живы,
Порадеем за народ,
Постоим за нашу веру,
За святую Русь, за честь.
Есть тому у нас примеры,
И такая сила есть.
А не то в земле родимой
Всё одно, когда лежать...
Двинем силою единой,
С богом, братя, хватит ждать.
А пока полки всё ждали

На исходном боевом,
Впереди князья стояли
Каждый со своим полком.
Тут и Всеволод. Микула.
Братья их и сыновья.
Взгляд орлиный,
Ходят скулы.
Под конем дрожит земля.

...Перед строем князь великий
Речь пред битвою держал.
А напротив русской рати,
На прожженной целине,
Окружон придворной знатью,
Хан на вздыбленном коне
Гарцевал и делал знаки
Предводителям татар.
Назревало время «драки»...
Наконец, тот миг настал,
Миг таинственный, тревожный,
Как водилось это встарь:
Против русских -
Царь безбожный;
Против орд встал русский царь.
Поклонились степенно,
Обменялись взглядом злым
И отъехали мгновенно
К своим флангам войсковым.
А навстречу к центру поля,
Наклонясь вперед слегка,
Вскачь неслись, коней пришпоря,
Два могучих седока.
Кто не знал их?
Кто не ведал
Этот древний ритуал?
Так когда-то Невский с шведом
Бой победный затевал.
И не раз такая встреча
Изменяла битвы ход.
И подчас, иная сеча
Шла совсем наоборот.
Всё менялось: люди, моды,

Но традиция сквозь годы
Неизменною прошла.
Вот теперь сошлись снова
Через сотню с лишним лет
Челюбей бритоголовый
И раб божий — Пересвет.
Коня с скрежетом скрестились,
Кони взыбились
И... в раз
Оба мертвыми свалились,
Кровь из ран их пролилась.
«У-у-у»-над полем прогудело.
Веколыхнулось море пик.
...Солнце яблоком краснело,
Пряча свой печальный лик
В наплывающие тучи.
Поле в сполохах стальных.
Выются рати.
Жмутся к круче,
То одни, то жмут других.
Звон да стон висит в округе,
Крики, топот, суший ад.
От мечей трещат кольчуги,
Напрочь головы летят.
И потрепаны изрядно
Авангарды тех и тех.
Между Доном и Непрядвой
Стало тесно...Как на грех
Левый фланг сломили орды,
Заходя в глубокий тыл.
С трех часов держались твердо,
А в шестом — не стало сил.

--- --- ---

А теперь вот с флангом смятым,
Скажем, хуже, чем беда.
Шли тревожные минуты,
Но, ослабив фланг едва,
Пали задние редуты,
Вышла к Дону татарва.
Хан вкушал уже победу,
Князя ж мучала досада.
Что ж, пора пускать во след им,

Конный полк. Пускай засада
Отсечет сей вражий клин, -
Молвил князь.
И с флангом правым,
Взяв Орду в тугой зажим,
С тыла с силою ударим.
И в какое-то мгновенье
Дмитрий на поле глядит,
Как по щучьему веленью
Вихрем конница летит.
Кони резвы. Люди бодры,
В их руках мечи горят.
Через час был Дон свободный,
Отошла Орда назад.
А затем...
Затем по планам,
Всё пошло само-собой:
Окружили басурмана,
Затянув петлей тугой,
Рассекли котел на части,
Посекли Орду в бою,
Предложив татарской власти,
Сдаться русскому царю.
Но властей не оказалось,
А Орда еще держалась,
Хоть и близок был финал.
Малочисленные группы,
Озверев, повсюду прут
И подчас казалось, трупы
В поле сызнава встают.
...И еще немалой кровью
Надо было заплатить,
Чтоб разделаться с Ордою
И сраженье завершить.

6

Всё затихло.
Онемело...
А кругом жутьё-жутьём:
Поле трупами чернело
И кружило вороньё.
Дмитрий, тяжело ступая,
Шёл среди поникших тел,

В павших близких узнавая,
С горбю в лица им глядя.
Одному закроет очи.
Одним крестом других.
Братья!
Братья! Нету мочи
Видеть Вас, мне дорогих,
Павших здесь на ратном поле.
Хоть и шли мы умереть,
Для меня нет горшей доли,
Чтоб такое лицедреть:
Вот лежат одной семьею
Волозерские князья,
Чем я близких успокою?
Чем утешу их, друзья?
Вот Микула...
Спросит женка:
Где мой голубь,
Князь мой, свет?!
Что скажу я? - Татарчука
Изрубил его насмерть?...
Здесь вот Бренк,
А здесь вот Малик,
Дорогой мой страж и друг.
Если б вы, родные, знали б,
Сколько вас лежит вокруг?
Вряд ли хватит скорби нашей,
Сколько слов и слез не трать,
Чтобы нашим братьям павшим
Дань печальную отдать.
И ходил князь полем бранным,
Душу царскую травил.
Русский царь — колосс державный
С мертвцами говорил.
И ему, казалось, поле
Эхом вторило вдали:
Будь, царь-батюшка, спокоен:
Мы Руси не подвели...
В голове, как в хмель, мутилось,
Затуманились глаза,
По щеке царя катилась
Горьким жемчугом слеза.
-Эй, вы хлопцы, сбор трубите,
Не теряйте время зря,

Да гонцов повсюду шлите,
Чтобы знала вся земля...
Князь Андрей?!
Ах, вот ты, милый!
Поезжай к Москве, родимый,
Пусть звонят на всю страну
Храмы звоном колокольным,
Да поют зазданный стих,
Чтоб встречали с хлебом-солью
Победителей своих.
Князь вздохнул,
Смахнул рукою
Непокорную слезу,
Подошел устало к строю,
Тихо молвил: Я гляжу:
Раги наши поредели,
Не хитро, силен был враг,
Но, однако, одолели,
Потерпел он полный крах.
Был Мамай в себе уверен
И Орда нахально шла.
Так пускай же рвут их звери
Нечестивые тела,
Недостойны погребенья,
Нет пощады стервецам.
Наше русское терпенье
Тоже, чай, не без конца.
Поглядите: вон на поле,
Волос дыбятся порой,
Там лежит двух - третьих боле,
Посеченных татарвой.
Да какие пали люди!
Это ж наш российский цвет!...
На Руси их помнить будут,
Как героев сотни лет!
Вам же, братья дорогие,
Бью челом я до земли.
Что не дрогнули в сей миг.
-Люди смертны.
-Подвиг вечен!
Русский богатырь - мужик
Божьей волей славен вновь.
Будет враг теперь тесниться.
Вами пролитая кровь

Внишет славные страницы
В историческую бьль.
Опустившись на колени,
Князь земной поклон отбил.
Встал. Вокруг сгушалась темень.
— Братя князи, Вас прошу я:
Отведите рати к Дону,
Над рекою заночуем,
Дает бог, павших похороним,
И пойдете к семьям с миром.
Да извольте вам сказать,
Что не будет больше ирод
По Руси с мечом гулять.
А теперь ступайте с богом.
... За Непрядвой наутек
По нехоженным дорогам
Шли татары на Восток.
Тёмной ночью. Без оглядки
Недобитая Орда,
Натыкаяся на пятки,
Шла, минуя города.
... Стонет поле Куликово!
Плещет кровью Дон-река!
Месяц красною подковой
Закрывает облака.

--- --- ---

Поражение в Куликовской битве подорвало могущество татарского ханства и ослабило давление на Русь, но его влияние на разобщенные русские княжества продолжалось еще целое столетие. 253 тысячи русских воинов пало в Куликовском сражении, в том числе 800 с лишним князей, бояр, воевод и посадских из 17 городов и земель русских. А Орды было порублено и того более... (из древних летописей)

По мотивам романа М. Ю. Лермонтова
«Герой нашего времени» (повесть «Бэла»)

Кавказ... Скажи: видал ли ты
Его зубчатые хребты,
Пленивший взоры блик вершин,
Отвесы скал и сход лавин,
Кристальную лазурь небес,
Под облаками хвойный лес,
Хрустально чистые снега,
Его альпийские луга,
Стволы замшелые чинар,
Нарзан, струящийся, как дар
Богов, и неба, и земли?
Видали, как сады цвели
На благодатных склонах гор?
Как реки рвутся на простор,
Срываясь с грохотом с высот?
Скажи: видал ли ты народ,
Живущий так же, как орлы
На горных выступах скалы?
Ты, вероятно, скажешь бред...
Но тем и чуден белый свет,
Что в нём однообразья нет.
И, как повсюду, так и здесь
И дикость, и злодейство есть,
И нравы разные людей,
Но стержень древности своей.
Привычки, бытовой уклад
Они незыблемо хранят.
И сей достойнейший пример
Для всех, не помнящих родства.
Кавказ — край бурь и торжества,
Свобод народов и племён
От незапамятных времён.
Здесь перекрёсток всех дорог.
Смешались запад и восток
И слух людской к тому привык,
Внимая мир многоязык,
Его народ и горд, и смел,
Немало бед он притерпел
Под свистом иноземных стрел

Из дальних и из ближних стран.
Здесь жёлт аулы Тамерлан.
Чинили гиблые набеги
Хазары, персы, печенеги.
А уж воинственный монгол
Вершил столетья произвол.
Ликне были времена,
И полководцев имена
Тем временам были подстать.
Их, необузданная рать
Мир заставляла трепетать,
Но годы шли, и след стирался
И лишь в крови горян остался,
Их дерзкий дух,
Их гонимый след...
А где такого следа нет,
Когда до самых до Балкан
С своей ордой дотопал хан?
...Веками жизнь рекой текла,
И древняя земля цвела.
Но вдруг нежданно, неожиданно
Войска турецкого султана
Заполонили вольный край.
И как тут копыта ни ломай,
Как книжалами ни маши,
Им не свалить Батал-Паши.
И снова цепи...

Снова гнёт...

Но снова день и час придёт -
Россия под крыло возьмёт
Всех горцев. Выдворит пашей.
И под опекою царей,
Моля и духов, и богов,
Не опасая врагов,
Народы сбросят груз оков.

2

Но под опекою царя
Воспряли местные князья.
Жирели. Грабили народ.
И вот уже который год
Терпели горцы княжий гнёт.
И уж в народной глубине

Рождался гнев и звал к борьбе
Всех обездоленных и тех,
Кто жертвой стал дурных потех,
Кто опозорен был и бит,
Кто кровной местию кипит.
И чаша полнилась терпения...
И вот настало то мгновенье,
Когда достаточно искры,
Чтоб в небо вздыбились костры,
Горящих княжеских подворий.
И это совершилось вскоре:
Волною захлестнуло горе
И понеслось по склонам гор.
А русский царь и царский двор
Узрели бунт. На бунтарей
Уж шли солдаты. С батареей
Летели ядра — дым стоял...
И каждый горец: стар и мал
За землю вольную свою
Сражался, падая, в бою.
Борьба жестокая велась.
Рекою кровь тогда лилась.
Недаром помнился «Салты» -
В нём будто камни и кусты
Стреляли сами... На солдат
Летел свинца и камня град.
За каждым камнем и кустом
С кинжалом острым иль с ружьём,
В мохнатой шапке, словно бес,
Сидел чеченец иль черкес.
Но силы были не равны:
От ядер рвались валуны,
Взлетая каменным дождём;
Метаясь, горцы под огнём,
Теснимы русскими частями,
Бросали в бегстве поле брани
И лишь за снежными горами
Свой останавливали бег.
Сегодня вспомнить бы не грех
И тем, и этим, что вражда
Вела к трагедиям всегда,
Смывалось кровью каждый раз.
... Бежали горцы, и Кавказ,
Считай, всецело был в руках

И лишь один Шамиль в горах
Стеной незыблемой стоял.
На и Шамиль однажды пал
В своём пристанище Гуниб.
Там не один солдат погиб.
Матёрый был имам Шамиль,
Но Барятинский всё ж пленил
Лылого горца. И запал,
И дух Мюридов тут же пал,
И попечителей встречал
Народ суровый Дагестана.
В его сердцах сочилась рана...
Им пережитый тяжкий рок
Давил, как тягостный урок.
В горах Чечни ещё пять лет
От той войны остался след
Бесмысленной кровавой бойни.
Но есть всему конец. И войны
Смолкают тоже, наконец.
... И за гонцом тогда гонец
Неслись в столицу, из столицы.
Солдаты шли и вереницы
Крестьян в истоптанных лаптях
Брели на свой риск и страх,
Чтоб там, на диких пустырях,
Во славу бога и отчизны
Посеять зёрна вольной жизни.
Переселенцы всех «мастей»
С центральных русских волостей
Тянулись к югу спешно, живо.
Сюда же шёл и люд служивый,
И беглый непокорный люд
Здесь находил себе приют.
Наместный полицейский пристав
Брал под «опеку» декабристов,
Опальных книжников, вельмож.
Кавказ на улей был похож...
В прибрежьях Терека, Кубани
Во след за русскими штыками,
Злым козням горцев вопреки,
Уже селились казаки.
Их белостенные станицы
Живой, незыблемой границей
Обтовали в поймах горных рек,

И чем она подчас дышала,
Пожалуй, знал один Аллах.
И потому — то в крепостях
Был сук и порох, и кремень.
И в божьего благословенья
И дни тихо шли за годом год
И службу нарекую народ
Нёс по законам старины:
Старов сменяли их сыны,
Клялись на верность и царю
Вручали молодость свою.
Так над бурлящею рекой
Десяток лет или другой,
А, может, более того
Стояла крепость. Ничего
И ней обремененного нет:
Базарма; кухня; лазарет... -
Да комендантский флигелёк,
Стоящий словно теремок,
Из русских сказок и былин;
Чуть в стороне был магазин
Простая лавка для солдат,
А дальше лес,
А выше ряд
Вершин под шапками снегов
И бездна — царствие богов...
Стояли редко кое — где,
Прижавшись стенками к скале,
Хилые сакуи, рядом вниз
Потоки шумные неслись
По скользким мшистым валунам,
По каменистым берегам
Кусты желтели облепих
И тут же в зарослях густых
Среди диковинных лиан
Бродил непуганый кабан,
Ноелись стайки диких коз,
Подчас на каменный утёс
Взойдёт над пропастью муфлон
И, словно изваянье он,
Стоит минуту, две иль три
На фоне утренней зари
Затем, оставив пьедестал,
Уходит по уступкам скал.

Селился русский человек
И над Кумой до стен Маджары,
И никаким тогда пожаром
Людей не «выкурить» с тех мест.
Вместо Маджар стал «святой крест»,
И до Каспийских берегов
У русских не было врагов.
И дагестанец, и нагай,
И русский - вместе этот край
И берегли, и обживали.
Как братья жили и не знали
Ни дикой распри, ни вражды,
Да в том и не было нужды.
И только горные вайнахи,
Надвинув на глаза папахи,
Глядели исподлобья с гор,
Считая, как бы за позор,
Вживаться с русскими по-братски,
Но этот казус азиатский
Со временем себя изжил.
Ну а тогда Кавказ бурлил
Под этой мишурой не раз...
Но не об этом сей рассказ.

3

От Енкале, Кинобуры
До древних стен Махачкалы
Вставали русские заслоны,
Хоть далеко не бастионы
Одна, две пушки, иной раз,
Десяток сабель, да приказ
Стоять насмерть у стен заставы,
Но русский флаг и мощь державы,
И дух солдат, покрытых славой,
Им придавали грозный вид.
И ни один лихой джигит
Не нарывался на конфликт.
Но перед русскими частями
На высоте, под облаками
Гнездилась дерзкая страна,
Смирившись, искоса она
С заснеженных высот взирала,
На пушки русского капрала

И чем она подчас дышала,
Пожалуй, знал один Аллах.
И потому — то в крепостях
Был сух и порох, и кремень.
И с божьего благословенья
В них тихо шли за годом год
И службу царскую народ
Нёс по законам старины:
Отцов сменяли их сыны,
Клялись на верность и царю
Вручали молодость свою.
Так над бурлящею рекой
Десяток лет или другой,
А, может, более того
Стояла крепость. Ничего
В ней обособленного нет:
Казарма; кухня; лазарет... -
Да комендантский флигелёк,
Стоящий словно теремок,
Из русских сказок и былин;
Чуть в стороне был магазин
Простая лавка для солдат,
А дальше лес,
А выше ряд
Вершин под шапками снегов
И бездна — царствие богов...
Стояли редко кое — где,
Прижавшись стенками к скале,
Хилые сакли, рядом вниз
Потоки шумные неслись
По скользким мшистым валунам,
По каменистым берегам
Кусты желтели облепих
И тут же в зарослях густых
Среди диковинных лиан
Бродил непуганый кабан,
Носились стайки диких коз,
Подчас на каменный утёс
Взойдёт над пропастью муфлон
И, словно изваянье он,
Стоит минуту, две иль три
На фоне утренней зари
Затем, оставив пьедестал,
Уходит по уступкам скал.

Богат и щедр горный край,
Здесь каждый дол, что божий рай,
А если глянешь с высоты,
То нет чудесней красоты
И будто крылья у мечты.
Вмиг отрастают, и ты вдруг
Уже паришь орлом вокруг
И видишь сверху синь небес,
Внизу на сотни вёрст окрест -
Луга, селенья, ленты рек...
Блажен и волен человек,
Видавший с высоты хоть раз
Седой незыблемый Кавказ.
Но вниз опустимся с высот,
Там оживленье у ворот:
Кибитка чёрная стоит
И комендант уж к ней спешит
На встречу с юным господином,
Обнявшись тут же словно с сыном,
Ведет под руку в флигель свой,
Затем в гостиничный покой...
Так кто ж сей щёголь молодой,
Примчавший тройкой из-за леса?
Ну, для начала — он повеса,
Проныра и столичный франт.
Его отец был коммерсант,
Всё продавал, что подвернётся
И как уж у таких ведётся -
Во всём купчишка преуспел.
Хоть сам невзрачен, мягкотел,
Но дело знал, да так вертел,
Что коим и во сне не снится.
Его владенья в полстолицы:
Мясные лавки; рынки, бары
И даже на селе амбары,
Зерном засыпаны под верх.
Такой разительный успех
Тогда был на слуху у всех.
И всякой похвалы достоин
Отец был — дворянин Печорин.
А сын, как я уже сказал,
Таким раденьем не «страдал».
Он в младшем чине был кадета.
Ловкач и прохиндей. При этом

В войсках ни дня не прослужил
И, как известно, не тужил:
В особняке отцовском жил;
Боготворил он свет и бал,
Подчас, закатывал скандал
Такой же публике, как сам;
Сводил с ума он светских дам
И совращал наивных дев.
Затем, к распутству охладев,
Он уходил в крутой запой
И уж тогда само собой,
Текло шампанское рекой...
По дому полный ералаш,
И дней пятнадцать эту блажь
Гнал разгулявшийся юнец,
За то журил его отец
И появлялось окно:
Он вместо пьянки, в казино
Рулетку сутками крутил,
Но ничего не находил
Ни в том,
Ни в этом и в душе
Пустой, растроченной уже,
Надежда всякая терялась...
Оставить дом,
Оставить свет
На год, на два, на тройку лет
Пуститься в вольные бега... -
Хоть от родного очага
Уйти не просто, но Печорин
Затем уж так был непреклонен,
Что бросил светские забавы
И блеск, и Питер величавый
И тройкой покатыл на юг
Лечить свой пакостный недуг.

4

Шло время. Гость наш привыкал:
Он выходил не раз за вал,
Ходил к реке в сосновый бор,
Взбирался на вершины гор
И пропадал среди долин...

Строптивый юный господин.
Был как бы выше всех других
В сужденьях, помыслах своих,
К тому же знатен и богат
И даже старый комендант,
В сраженьях бравший Керчь и Крым,
Краснел, как школьник перед ним.
Но он не злоупотреблял
И тем к себе располагал
Штабс—капитана. И старик
Как к сыну своему привык.
Во всём его боготворил.
Печорин тоже не хитрил.
Он был и дерзок, был и смел,
Ну, скажем, кто бы захотел,
Будь он, хоть трижды извращенцем,
Лезть в пекло злобного чеченца,
Считай, по прихоти своей?...
Таких не множество людей.
И так в глуши из года в год
Шла жизнь размеренно вперёд.
...Однажды местный знатный князь,
К соседству мирному стремясь,
Проездом крепость посетил
И коменданта пригласил
В свой дом на свадьбе погулять,
Он дочь старшую отдать
Готовился... И вот
Тот день пришел: весь княжий род
На званый пир дары везёт:
Соседи, близкие, друзья,
Простые смертные; князья;
Семей почтенные отцы,
Седые старцы — мудрецы...
И комендант к тому поспел
С ним рядом на коне сидел
Ухожен, выбрит, юн и строен
Персоной собственной Печорин.
И тут же гости быстро сели,
Заговорили,
Зашумели,
А через час уже, другой
Пустились в пляс наперебой.
Стемнело. Вспыхнули огни,

Под возглас пляшущей родни,
И едкий факельный дымок
Поплыл под серый потолок
К каналам, сооруженным в крыше.
При свете, как-то стало тише,
И каждый возбужденный лик
Был чётко виден в этот миг.
Тут всех народностей букет,
Живущих рядом сотни лет:
Чеченцы, ингуши, даргинцы,
Аварцы, турки, абазинцы... -
Они застольем дружным в ряд
В заздравье кубками звенят,
Блюдя потомственный обряд.
А уж кумыки целым родом
Расселись под ажурным сводом.
А дальше, там, в углу сидят
Сын князя — юный Азамат,
Другой, по прозвищу Казбич -
Простолюдин, но каждый бич
И каждый вор,
И каждый князь,
Бандитской дерзости боясь,
Блюли с ним дружескую связь.
И нынче был он зван, как гость. -
Сидел и грыз баранью кость,
Бузой лениво запивал
И взгляд украдкою бросал
На дочку князя... Рядом с ним
Уже знаком нам княжий сын
Сидел, краснея от бузы.
Всё тихо, мирно и грозы
Не предвещал им поздний час,
Но словом по слову и враз
Один другого за грудки
И в ход пошли уж кулаки...
Их вывели. И кунаки,
Вернувшись в дружественный кров,
Запели свадебную вновь.
Печорин со своим патроном
Сидел, как есть, на месте тронном
В знак уваженья и почёта.
Но не пилось ему...
Дремота мучала. И вдруг

В просторный танцевальный круг
Вплыла девица гордо, славно,
Круг обошла так мягко, плавно,
Затем пропела перед ним
Пьянящим голосом грудным,
Какой-то песенки куплет
И уплыла... В такой момент
Уж гостю, верно, не до сук.
И в раз живой пошел досуг
И, как рукой, сняло сонливость.
Скажи-ка, господи, на милость,
Какой целительный бальзам?!
Но шутки прочь. - Печорин дам
Не понаслышке знал... И Бэла
В его душе теперь засела
Занозой эдакой... К ней он
Подобно, как Наполеон,
Горел желаньем к Жозефине.
И, околдованный княгиней,
Уж громоздил мечты благие...

5

Пиная камни в темноте,
Мак--- вышел по нужде.
Устал уж старый капитан,
Ему прилечь бы на диван,
Предаться сладостям покоя...
Аул уснул. Уж за горою
Луна скатилась в темный лес.
Под горным куполом небес
Чертили космос метеоры.
Причудливо толпились горы,
И где то там, внизу, ручьи
С уступов падали в ночи.
Вдруг ветерок повеял с гор,
И он услышал, будто спор,
Подкрался ближе. Сел. Приник.
Он понимал чужой язык
И слово каждое ловил,
И угадал, кто говорил.
Подслушал. Слышит, Азамат -
Казбич! Пойми, ты мне, как брат!
А хочешь, завтра поутру
Я привезу свою сестру?

Она красива и стройна
И будет лучшая жена
На всю округу у тебя.
Поверь, не просто, с болью я
Её сменяю на коня.
Ну что ты хочешь, наконец?..
Я лишь скажу, и мой отец
Тебе, по прихоти моей,
Табун пригонит лошадей.
Давай, Казбич...
Дай слово мне...
А я на утренней заре
С лучами первыми умчусь
И никогда уж не вернусь.
Пусть изведён буду тоской,
Но не нарушу ваш покой.
Отец захахнет и умрёт,
И весь домашний скарб и скот
В твоё владенье перейдёт
Ну, что, якши? Иль нет, Казбич?
Давай?... И выпьем магарыч.
... Уйди, мальчишка, к чёрту прочь.
Ты надоел мне. В эту ночь
Хочу я вольно погулять.
Хотя постой, ты должен знать,
Зачем джигит рождён на свет:
Знай, без коня джигита нет,
Конь для меня, как солнца свет;
Как близкий друг,
Как родный брат,
Аллах мне дал его, я рад
И подавай мне хоть гарем,
Я не отдам его в обмен,
Я на своём лихом коне
Тонул в Куре,
Горел в огне,
Был трижды ранен, каждый раз
Мой Карагёз мне жизнь спас;
От верной смерти уносил,
Если б не он, давно я б сгнил
В чужом каком-нибудь краю...
За это холю и люблю
Его всем сердцем. И никто
Не сядет в лёгкое седло

Без позволения Казбича,
В противном случае с плеча
Как тькву, голову ссеку
И сквозь аул проволоку.
Натурой волен я и дик
И к женской ласке не привык...
Хотя скажу: твоя сестра
Сияет, как в ночи звезда;
Она божественно чиста,
Её лелеет весь аул,
За ней хоть в пропасть я б шагнул.
Я не встречал такой красы -
Томлюсь я долгие часы,
Чтобы взглянуть на Бэлу вновь,
Но лишь увижу — стынет кровь.
Теряю ум,
Теряю речь,
Готов язык себе отсечь,
Двух слов желанных не свяжу
И с болью в сердце ухожу.
Но я джигит и жизнь моя
Совсем пустая без коня,
Равно, как порох без огня.
Люблю я волю, высь вершин,
Как любит пьяница кувшин,
Наполнен брагою хмельной.
Мне чужды дом, уют, покой;
Орлы и ветры мне сродни;
В седле бегут живее дни
И, лишь при цокоге копыт
Волною жизнь моя кипит...
Зачем, щенок, тебе мой конь?
Ты слаб и хил, а он огонь!
Огня тебе не укротить,
Как мне княжны не полюбить.
И что за глупые мечты?
Да упаси, аллах, чтоб ты
Увёл когда-то скакуна,
Я всех вас вырежу дотла,
Сожгу, и ветер разнесёт
Ваш опозорившийся род...
Я всё сказал. Теперь уйди.
Не вороши мой гнев в груди.
Зло сплюнув, Казбич замолчал.

«Ах, сволочь!» - Азамат вскричал.
Из ножен выхватил кинжал
И полоснул, что было сил.
Казбич пригнулся. Отскочил,
Но скользью лезвие кинжала
О сталь кольчуги провизжало
И заблестело в темноте.
Ублюдок! Я сейчас тебя... -
Лишь увернувшись от ножа,
Казбич загнул в «три этажа»
И запустил в работу плеть
И раза три успел огреть,
Разгорячённого юнца.
Тот завопил. И вот, с крыльца
Бежит хозяин, вслед за ним,
Как боров, тучный Ибрагим,
За Ибрагимом три иль два,
Из сакли выбежав едва,
Пустили ружья в перепал.
А что? Зачем? Никто не знал
Затею этой чехарды,
Но так бывало у Орды:
Пустячный случай и в ножи... -
И уж тогда востро держи -
Назад минутой бы кунак,
А тут, гляди того, тесак
Загонит в спину иль в живот.
До края взбалмошный народ.
...Вокруг стоял переполох.
Штабс—капитан с волнения взмок,
Выбежал на княжеский порог
И дальше в саклю. Тихо там:
Сидели гости по местам.
Кто пил,
Кто ел,
Кто спяну пел,
И пир по-прежнему гудел.
Но это только маскарад,
На самом деле - стар и млад
Готовы были каждый миг
Пуститься в драку... И старик
Тайком Печорина позвал.
Тихонько вывели коней
И вскачь... до крепости своей.

Тяжёлым выдалось похмелье:
Переживанье и волнение,
Вдобавок к этому всему
Он Грише — душе своему -
(Старик Печорина так звал)
О всём, что слышал, рассказал,
И он теперь темнее тучи...
Её глаза, как угли жгучи
И брови тонкою дугой
Смутили разум и покой
И день, и ночь стоят пред взором,
Каким - то ласковым укором
И в сердце девичье влекут.
И мысли страшные бегут:
То видит он её с бандитом
Измятой, жалкой и испитой,
То видит, как Казбич и брат
О ней как будто говорят
И пожимают крепко руку...
О, знали б Вы, какие муки
Тогда Печорин претерпел:
Не спал, не брился, похудел
И уж, отчаявшись, хотел
Вломиться в девичий покой
И увезти на все четыре
Её. И где — нибудь в трактире,
Пусть даже в самом захудалом,
Отдаться буйству чувств и чарам,
Но к счастью, дикая нелепость
Не состоялась. - Как-то в крепость
Примчался княжеский сынок.
Уж тут Печорин, видит Бог,
Сыграл, что надо, интригана,
Тихонько кликнув мальчугана,
О том, о сём заговорил
И ненароком обронил:
Ах, конь у Казбича, ну сказка!
Какая чудная окраска!
Какие ноги, шея, грива!
Он, словно ветер, мчит игриво,
В горах в крутых иль на равнинах
Ему, однако, равных нет!

На нём Казбич, ну сущий бес.
Об этом славном скакуне
Идет молва по Кабарде.
Да, что там! Даже за горами
Джигиты с завистью вздыхали.
А ты? Попрежнему всё скачешь
На этой захудалой кляче?
Неужто зависть не берёт?
Богат, умён, а всяк плюёт
И на тебя, и на богатство.
Тебе уж лучше б конокрадством
Заняться бы. В нём прок хоть есть
Лихая слава, конь и лесть...
А ты пустое место, князь.
Печорин поглядел, косясь,
На разъярённого княжонка
И нарочито чётко, громко
Проговорил: А хочешь я
Тебе отдам его коня?
И если да, то нынче к ночи,
Ты, привезёшь мне светлы очи -
Свою сестру. А я не прочь
Тебе и впрямь, дружок, помочь.
Казбич пригонит завтра скот,
Как только в крепость он войдёт,
Я задержу его, а ты
Возьмёшь тихонько под уздцы
Коня и выведешь за двор,
А там, в седло и на простор...
Но знай: Казбич хитёр, жесток,
Он будет мстить тебе, дай бог,
Что б Вам не встретиться нигде.
Ну что? Удачи, князь, тебе?
И долго, корчась, он сидел.
То он белел,
То он краснел,
То он ругался,
То сопел.
Потом из глубины души
Он еле выдавил: Якши.
Наш рок жесток и быстротечен,
Сестру привёз он в тот же вечер.
И уж наутро тайно ждал
В одной расщелине из скал

Лихой, закрученной развязки.
Но к счастью всё прошло, как в сказке,
Сценарий был исполнен красно,
Но само зрелище ужасно:
Узрев, подстроенный подлог,
Казбич, как рысь, в один прыжок
Перелетел широкий ров,
Там - за ворота. - Стук подков
Ещё был слышен и вдали
Маячил всадник, но в пыли
Он беспрерывно пропадал,
И Казбич наугад стрелял
И в цель ни разу не попал.
Взревел. Взвинтился, как юла,
Схватил ружьё за гладь ствола
И, размахнув, что было сил,
О камни вдребезги разбил.
Затем он наземь ниц упал
И так до ночи пролежал.

7

И сын исчез.
И Бэлы нет.
Отец измученный их след
Никак не может отыскать.
О, если б мог он угадать
Своей седою головой
Исход судьбины роковой.
Но не дано такого нам.
И ходит следом по пятам
Злой тенью страшная беда:
Однажды вечером, когда
Уже аул во тьме ночной
Угомонился и покой
Душою каждой овладел,
Старик недвижимо сидел,
То он молился,
То дремал,
То он всевышних призывал
К своей беде. И вдруг кинжал
Пронзил в упор его насквозь.
За что и чья же это злость
Цинично так и так жестоко

По диким правилам Востока
Обрушилась на старика?
Об этом позже. А пока:
Казбич в леса ушёл. На воле
Носился где-то в чистом поле
Князь юный на коне лихом.
Печорин как бы женихом
Себя считал уж и всецело,
Занялся ублаженьем Бэлы:
Несёт питьё,
Несёт еду,
Но дева, будто бы в бреду,
Не сла, кутаясь в чадру,
Сидела молча у окна,
Оттуда ей была видна
Гора. За этою горой
Стоял аул её родной,
Там сакля, в ней тепло, уют...
Пред нею образы витают
Родных и близких. Лик отца...
И даже томный скрип крыльца
Ей песней мнится удальца.
Ей чудится весёлый круг,
И лица радостных подруг,
И сад, и дол, и буйный луг.
...Но нет отца. Погас очаг
В стенах пустых и дух зачах.
От них не веет уж теплом
И некогда весёлый дом
Стоит печален и угрюм:
Не раздаётся детский шум,
Не видно суеты людей,
Не слышно ржанья лошадей.
И сиротлив он,
И убог,
И бурьяном зарос порог.
И весь аул глядит с тоской
На дверь, зашитую доской.
Но ничего она не знала,
Смирившись с пленом, привыкала.
Ей даже, нравился Печорин.
Он белокур, высок и строен.
Чуть бледен, но широк в плечах.
В его пленительных речах

Любви признания звучали,
И юная княжна часами
Внимала жадно каждый слог.
И уж тогда, простит ей бог,
Она Григория любила
И всей душой боготворила
Его признания в любви.
Так чередой бежали дни,
И были счастливы они.
Ходили в лес. И на лугу
Она родному языку
Его учила. Он
Её кумыкский лексикон
Брал на ходу. И долго, нежно,
И церемонно,
И помпезно
Горянке руки целовал.
И, глядя на неё, вздыхал...
Его пленило в ней буквально
Всё: и лик печальный;
И ноги стройные;
И грудь.
Ему лишь стоило взглянуть,
Представить мысленно... - Простите
И Бэла, будто Ниффертити,
Стоит нагая перед ним...
А он, как жалкий бедуин,
Пав на колени пред царицей,
Не смея зреть и насладиться,
Дрожит от злости и стыда.
Но так бывало ведь всегда:
С кем из влюблённых не случилось,
Когда красавицей казалась
Подруга, вовсе не краса?
Мы сердцем любим, а глаза
В любви обманчивы и слепы,
Ведь было бы совсем неясным
Иль злой коварной конъюктурой
Любить красавицу, но — дуру...
Однако Бэла не из тех
И не любить такую грех.
Пред всем... - Не только перед богом,
Но по Корану очень строго
Карались вероотступленья,

И не было тому прощения,
Кто как-то косвенно иль прямо
Переступал закон ислама.
Но вера — верой, а любовь
И не подвластна силе тленной,
Она законами вселенной
Питает огненную страсть,
И для неё земная власть
Не что иное, как нелепость.
Она прожжет любую крепость
И тьму в сиянье обратит.
И Бэла любит и горит
Желаньем дать любви свободу,
Зачем же жертвовать в угоду,
Каким — то правилам слепым,
Желаньем самым дорогим?
И после долгого терпенья,
Мольбы, страданья и мученья
Любовь прожгла свою тюрьму...
Она открылася ему.

8

Недели три Печорин кряду
Боготворил свою усладу:
От юной Пэри ни на шаг;
Он был готов, хоть на ушах,
Стоять перед своей Забавой -
Строптивой, дикой, величавой,
С горячей женственной душой.
...Любимой, близкой, но чужой.
Она, подчас, ему казалась.
Такая мысль однажды вкралась
В его усталое нутро.
Но это, скажем, не хитро,
Коль вспомнить сколько дев наивных
Он загубил в угарах винных.
И сколько дам — семьёй приличных -
Он ублажал в домах публичных.
Да что там... Мастер грешных дел
Сердцами женскими владел.
Однако, Бэла исключенье:
Она и бес и искушеньё;
Она и радость и печаль;

Она мужского сердца сталь.
Топила, как свечу из воска;
Стройна смуглянка, как берёзка,
Как серна горная резва;
Она кусочек естества,
Рождённого самой природой,
Не избалованная модой,
Проста, умильна, как дитя.
Её нельзя любить шутя,
Ей отдаваться надо в целом -
Душою, искренностью, телом.
Но так устроен мир наш бренный
Под звёздным куполом вселенной -
Кто любит нас — тот нам не мил,
А кто нам голову вскружил,
Тот нас не любит, не любил
И никогда любить не сможет.
Нам злость и ревность сердце гложет,
Но всё напрасно, если бог,
Пути нам сблизить не помог.
Но ближе к делу. Час настал,
Когда Печорин вновь устал
От сладострастья поцелуев,
По воле — вольнице тоскуя,
Дикарку бросил молодую,
Ружьишко взял и в камыши... -
Для успокоения души.
Бог знает сколько он бродил,
Уж Бэла выбилась из сил,
Его в светлице ожидая,
То вдруг молясь,
То проклиная
Судьбу нескладную свою.
Она хотела к алтарю
Пойти с ним как-то вот намеренно. -
О боже! Боже! Что за бредни,
Как можно веру поменять?
Но разве можем мы понять
Её благие намеренья,
Что нужно ей благославенье
Иль просто девичий каприз?
Всё б состоялось, не случись
Того трагического дня,
Когда в расплату за коня

Казбич наметил в жертву Бэлу.
И долго в западне сидел он,
Ждал появления девицы.
И вот она. Прыжок... И львицей
Несётся лошадь через лес
С княжной в седле наперевес.
Внезапный шум и лай собак
Подняли крепостной бивак,
И вот уж несколько коней
Несутся по пятам за ней.
Откуда ни возьмись Печорин
В погоне к ним примкнул тут вскоре.
И, поднимая пыль столбом,
Погоня мчалась напролом
Среди бурлящих рек и скал,
Уж миновали перевал,
А он, как в пропасть уходил,
Уж кони выбились из сил,
И нет конца погони этой...
Вдруг кто-то выстрелил дуплетом
По уходящим силуэтам,
И тем исход был предрешен:
Убит был конь,
Бандит ушёл,
А Бэла, скорчившись лежала,
И рукоять его кинжала
Торчала в девичьей спине...
Ещё три дня она в огне
В предсмертных судоргах горела,
Ежеминутно, то и дело,
Звала отца,
Звала сестру,
А в ночь четвертую к утру
Вернулась память к ней. И вновь
Она звала свою любовь:
Где Гриша мой?
Где мой любимый?
Сядь рядом, господин, мой милый!
Ты видишь, я горю, как жар?
О мой бесценный божий дар,
Прости, что не владею силой,
Что не могу перед могилой,
Пока, дал бог, ещё живу
Твою кудрявую главу

Прижать к слабеющей груди.
Прости, мой друг, меня, прости.
О, как хотела, милый, я
Поехать в дальние края,
В твою заснеженную Русь...
Я нынче двум богам молюсь:
В Аллаха верю и в Христа
И исповедь моя чиста.
Жалею только об одном,
Что нам не жить в краю твоём.
... Печален. Жалок монолог.
Не доведи такого, бог,
Не только другу, но врагу.
... Похоронили на лугу.
Поставили ей скромный камень.
Покрыли камень тот венками.
Вкруг постояли над могилой,
И побежали дни унылой,
Тоскливой, томной чередой.
А через месяц иль другой
Печорин заспешил в отъезд.
Пред тем бродил он всё окрест.
Был на могиле раза два...
В душе, как ржавчина, хандра
Точила смутное сознание.
Ни запоздалые признанья,
Ни заверенья,
Ни мольбы
Не развенчали грех судьбы,
А усугубили лишь участь.
И так, страдая, злясь и мучаясь,
Он бросил службу, сел в карету
И покотил по белу свету...
Не долго жизнь он прожигал,
Уехав, вскоре захворал
И где-то в Персии в припадке
Дух испустил от лихорадки.
... И капитан недолго жил.
Он Бэлу искренне любил,
Как непорочное дитя.
В отставку сразу же уйдя,
Срубил часовню под горой,
Там жил, молился. В холод, в зной
Он приходил, как труп живой,

Сидел на скорбном бугорке,
И в дряхлой, старческой руке
Сжимал кинжала рукоять.
Он жаждал с Казбичем сквитаться
За две тяжёлые потери...
Он был готов его, как зверя,
Проткнуть кинжалищем насквозь,
Но не дал бог. Не довелось...
Его нашли там, на могиле,
Уже застывшим... Схоронили
По православному обряду
С её покоем где-то рядом.

9

Прошло немало с той поры.
Там, у подножия горы,
Роняя свой обильный плод,
Над ней могучий дуб растёт.
На дубе том пернатый хор
Звенит ветрам наперекор.
Там над могилою вокруг
Шумит-гудит зелёный луг,
Там бьют ключи из-под скалы,
На глыбах селятся орлы
И слышен их гортанный крик
На сотни метров каждый миг.
Там звери, птицы, неба синь.
Куда ты взгляд вокруг ни кинь,
Увидишь тишь, покой, уют.
Там, как легенду, берегут
Горянки гробовой приют.
Там есть скала — на той скале
Чернеет надпись давних дней,
И каждый, кто её читал,
Слезу украдкой вытирал
И опускал печальный лик.
Там редкой древности старик,
Как привидение подчас
Произнесёт молебный глас
И вмиг внезапно пропадёт.
Бог знает кто он?
Где живёт?
О ком челом он в землю бьёт?

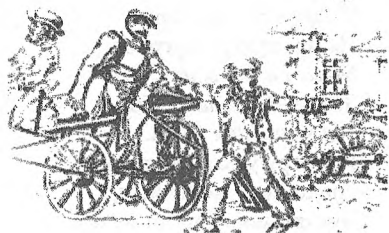
Там рядом камень мхом оброс,
На нём следы горючих слёз,
Пролитых старым бобылём,
Он после похорон на нём
Часами долгими сидел
И безучастно вдаль глядел.
Оставив службу в тяжкий рок,
Он дал пред Господом зарок:
Не оставлять сей холм печальный
Ни в бранный день,
Ни в день прощальный.
И слово данное сдержал.
Он где-то рядом здесь лежал...
Был бугорок. Теперь он смыт,
И сам бобыль давно забыт.
... И нынче горцы там живут.
Они, как прежде, свято чтут
Могилы предков. И всегда
Огнями синими звезда
Горит ночами напролёт
Там, у кладбищенских ворот.

1990 год

Буря
По мотивам повести А.С. Пушкина
«Станционный смотритель»

1

Где-то там, в забытой богом
Глухомани средь степей,
Жил старик со старухой. Долго
Не давал им бог детей.
Уж и думать перестали,
Не надеялись,
Не ждали.
Вдруг у них на склоне лет
Появилась дочь на свет.
Пригорюнились немного,
А потом с течением дней
Потешались над ней.
И старик старухе строго
(В полном смысле, не шутя)
Наказал беречь дитя.
И старуха глаз не сводит...
Пеленает, грудь дает.
День и ночь за дочкой ходит,
А сама не ест, не пьет.
Побледнела, исхудала,
То горела,
То дрожала.
И совсем слегла в постель
Через несколько недель.
А затем и вовсе мать...
С каждым днем всё хуже, хуже
И однажды, как то в ужин,
Заходилась помирать.
Дед взмолился: «Мать, не надо...
Как же я?... А наше чадо?...»
«Ни печалься, бог с тобой,
Богу надо так, отец.
Береги дитя родное,
Видишь, я уж не жилец».
И умолкла. Вьюжит вьюга.
Глушь да вьюга.
Мертва подруга.
В люльке в ворохе белья

Дочка ползает, пыхтя.
И знобит,
И лихорадит.
А старик идет во двор,
Отпирает в хлев запор,
Тащит сани, тут их ладит,
Запрягает в них коня
И ни свет, и ни заря
На прямую по сугробам
Мчит до ближнего села
За роднёю и за гробом,
Где покойная жила.
И к утру уже в светлице
Греют воду молодицы;
Чистят, моют, топят печь,
Норовят пирог испечь,
Грудью балуют малышку,
Подучая старика,
Как давать ей с пузырька
Через соску молочишко;
И покойную справляют.
Обмывают, одевают,
В гроб страдальицу кладут.
На помин обед готовят.
Час пришел — её несут
Отпевают и хоронят.
Возвратясь, ещё всплакнули,
Помолились, помянули,
Попрощались, разошлись.
... Звезды на небе зажглись.
И остался Самсон Вырин
В этой пустоши один -
И слуга,
И господин,
И солдат, и командир он.
Жизнь не жизнь — живая мука... -
Гложет смертная разлука.
А всего больней за дочку.
Вот загвоздка.
Вот беда.
На своей-то жизни точку
Он поставить мог всегда.
Ну а с ней,
Что будет с нею?

Гля ты года я старею,
А за ней ведь каждый раз
Нужен будет глаз да глаз.
Думал Вырин долгой ночью,
Изоходя со всех сторон.
И в утру решил Самсон:
Изорву я жилы в клочья,
Вот даст, сам я не помру,
Дочь на ноги подниму.

2

День прошел, другой, неделя,
Месяц, там уже и год.
Не терял зря Вырин время,
Да и дел невпроворот:
Двор очистил, а потом
Обновил Самсон свой дом.
И хозяйство завиднелось:
Полно птицы (это мелочь),
Овцы,

Лошади,

корова...

В общем многое нажил,
Сил немало положил,
Чтобы зажить жизнью новой.

От восхода до захода

То с двором...

То с огородом...

Не спивался.

Не ленился.

Как и весь честной народ

В Бога веровал,

трудился

И глядел на жизнь вперед...

Он ещё осилил нужду:

Принят был Самсон на службу

По протекции одной,

Как смотритель почтовой.

И уж как велось вовек

Не мудрёное владение

Приурочил он для бдения

Государевых опек.

И пошло...

по магистрали:

Мчат кибитки,
Катят сани.
Вырин путников встречает,
Лошадей дает дорожных,
Кормит, поит, провожает,
Отмечает в подорожных.
День-деньской и ночь в придачу
Гонят ссыльных;

едут,
скачут,

Те спешат;
другие ждут...

«Разношерстный» едет люд:

Богачи и голодранцы,

Господа,

дельцы,

купцы...

Катят в разные концы
Расписные дилижансы.
И смотритель на «подхвате»:

То на службе;

То он в хате;

То с худобой;

То в саду;

Измотался, прямо скажем,

Сам готовит он еду;

Сам стирает;

Сам он может

И везде и всюду сам.

Ходит следом по пятам

За Самсоном дочка-кроха.

Ей отцова суматоха

И занятна,

И смешна...

А вокруг толпятся люди,

Чаепитие,

словоблудие,

Речь французская слышна.

Всё в движенье...

Всё живёт...

Между тем и дочь растёт.

Синеглазая шалунья

Непорочна и светла.

Будем звать её мы Дуня,
Как старуха нарекла
И старик, её папаша,
Кличет ласково Дуняшей.
И, вообще, тогда в деревне
Были Дуни, да Лукерьи...
Но оставим лишний слог.
Наш любезнейший смотритель
Укреплял свою обитель,
Делал всё, что только мог
И в мороз, и в дождь, и в зной
Ради дочери родной.
В ней души Самсон не чаёт.
Ямщики Дуняшу чтут.
Только кликнут: «Дуня, чаю,
Дуня с чаем тут, как тут.
Дуня, квасу!...
Дуня, водки!...
Тамашат её «залётки.» -
И Дуняша тут и там
Носит водку мужикам.
Быстро, ловко, без заминки,
Не ропча, без лишних слов
Убирает со столов
Кружки, ложки, чашки, вилки.
Всё горит в её руках
И румянец на щеках...

3

Вырин, глядя на Дуняшу,
Видал в ней старуху-мать...
Глянь, старуха, Дуня наша,
Прямо божья благодать:
Высока, стройна, крепка,
Ни дурна,
Ни баловлива,
И послушна,
И добра,
Ни завистлива,
Ни зла.
Вся, как есть, с тобою схожа
И в работе, словно бес...
Ни дитя, а дар небес!

Старый всхлипнул: Боже! Боже!
Дай ей счастье,
Дай ей сил,
Чтоб нечистый не искусил.

Время шло, и жизнь кипела
Не смолкал живой поток...
Дуня вовсе повзрослела,
Распустилась, как цветок!
Косы русы!
Очи сини!
Взгляд не Дуни, но княгини!...
Грудь высока!
Бёдра круты!
Губки нежно разомкнуты!
Прямо фея! - видит бог.
На ногах горят сапожки.
Да и сами её ножки -
Эталон девичьих ног!
Всё в ней ладно!
Всё в ней слито!
И улыбка Афродиты!...
На Руси красавиц много
Было, есть и будет впредь
Ну, а Дуня впрямь от бога,
Как к такой не тяготеть?
И, признаться, тяготели:
К ней посвататься хотели
И ротмистры,
И корнеты,
И службисты,
И поэты.
Кто о Дуне не мечтал?...
Эту милую простушку
Даже сам великий Пушкин
Как-то раз поцеловал.
... И вились вокруг Дуни роем
Все залётные герои.
Может, так оно б и шло
По накатанной дороге.
Дуня знала ремесло,
Ей сопутствовали боги.
И отец — старик с ней рядом.
Есть хозяйство.

Есть наряды.
Тут и дом, и отчий край.
Женихов хоть отбавляй...
Но судьба жестоко, дико
Изнамала всё, как есть,
И достоинство,
И честь.
Да простит её владыка
За сумбур любовных грёз,
Что пустил всё под откос...
Как-то в осень, близко к ночи,
В неприметный мрачный день
Вырин делом озабочен
Городил в саду плетень.
Завозился, размечтался,
Вдруг какой-то шум раздался -
Ни то говор?
Ни то спор?
И старик идёт во двор.
Видит: тройка — кони в мыле,
От коней клубится пар,
Ходит по двору гусар,
Раскрасневшийся, при силе,
Машет плёткой, глотку рвёт
«Есть тут кто живой народ?»
Есть, ваш... б...род..., - ответил Вырин, -
Что угодно приказать?
Где ж ты шляешься, дубина?
Лошадей тотчас подать!
Отпарировал заезжий.
Вырин буркнул: будут ежели
Возвратится дилижанс.
Перед кем стоишь, болван-с?
Багровел гусар от злости.
Выполнять, собачий сын!
Зря кричите, господин,
Две клячонки есть при почте,
Если что Вам заложу,
Только, чур, без куражу...

Ах, каналья! Шутки шутишь,-
 Прохрипел гусар, взбесясь,
 Ты сейчас на чай получишь,
 Я тебя погрею всласть
 И взметнул со свистом плетку,
 Но, увидел вдруг молодку,
 Сразу стих раскрывши рот,
 А она ему, Ваш... б...род...,
 Ну, зачем вы так дерзите?
 Будут кони — нужен срок.
 А пока на огонёк
 В нашу «келью» заходите,
 Дуня голову склонила,
 Гостя пальцем поманила.
 Ай-да Дуня!
 Ай-да выдра!
 Усмехнулся Вырин вслед,
 Мне тягаться с ним обрыдло,
 А она его в момент
 Из строптивного тигрёнка
 Превратила враз в ягнёнка.
 ...Извините, честь имею,
 Ротмистр Минский, сожалею,
 Что вспылит.

Мне не к лицу

Дворянину — офицеру
 Недостойные примеры.
 Передайте и отцу,
 Что в содеянном я каюсь
 И покорно извиняюсь.
 Минский смолк. А Дуня: Что Вы?
 Не терзайтесь ради бога!
 Мы всегда к тому готовы
 Приучила нас дорога.
 К сожалению, Ваша светлость,
 В нашем деле спор не редкость.
 Ну да что я всё об этом...
 Вот Вам ключ даю с секретом,
 Вот Вам дверь под тот секрет,
 Заходите, размещайтесь.
 Miss pardon, зажгите свет.
 -Перебил Дуняшу Минский. -

... Водку, сладость, сыр «Российский».
Хорошо! Извольте, сударь!
Дуня вышла и в тот час
Принесла ротмистру блюда
И означенный заказ.
Минский встал, замолвил слово:
Что ж всё, кажется, готово.
А теперь на пир мой беден
Приглашаю Вас, я, леди,
Разделить досуг со мной.
Правда с эдакой девицей
Лучше б где-нибудь в столице
Поголеть часок — другой...
Но коль нет столицы рядом,
Я и так предельно рад Вам!

Ротмистр вмиг наполнил рюмки,
Подав гостю, взял себе.
В голове витали думки
О Дуняшиной судьбе:
Как же так - краса такая?
Чахнет здесь в «медвежьем» крае
Среди пьяниц и невежд
Без просвета,
Без надежд?...
Родилась, росла в нужде
И теперь добра не знает,
Выйдет замуж, нарожает
И погрязнет в нищете.
Ну, скажи, Господь на милость
Где ж на свете справедливость?
Часто знатные особы
И нескладны,
И дурны,
Но они на пике моды
Всюду вхожи и видны,
При деньгах они, при злате,
Тонут в сплетнях и в разврате...
И такие вот красотки
В затерявшейся слободке
Без протекций,
Без мошны,
С исковерканной любовью,
С пьяным мужем, с детворою

И несчастны,
И бедны.
Что ж тут делать? Мир так скроен.
Изменить никто не волен.

5

Боже, что ж это за мысли,
Словно мир с одних гримас?
Выпьем, ledi, что ж мы скисли?
Предлагаю тост за Вас!
Произнёс ротмистр тихо.
И, поднявши рюмку, лихо
Опрокинул её в рот.
И вторую следом пьёт.
Дуня рюмку пригубила,
Извинилась, вышла прочь.
Время шло.

Кончалась ночь,
Меркли яркие светила.
А гусар мертвецки пьян,
То ли правда, то ль обман?
А наутро ему плохо,
Привезли тотчас врача.
Доктор с видом скомороха,
Получив тайком на «чай»,
Прописал ему компрессы
И ушел, поклон отвесив.
Уходя, однако, впредь
За больным велел глядеть.
Кто ж останется при нём?
Дуня лечит,
Дуня ходит.
День-второй уже проходит,
А гусар лежит пластом...
Но потом враз полегчало.
Минский встал и хворь пропала.
А затем совсем уж странно:
Не спешит сей сударь в путь,
Объясняется пространно,
Дескать надо отдохнуть,
Не сидит,
Не пьёт он зелье,
Полон юмора, веселья,

Ни капризов,
Ни острот...
Дуню под руку берёт,
На прогулки ходит с нею,
И никто узреть не мог
Ни отец, ни дочь, ни Бог
В этом подлую затею.
Дуня даже как-то малость
К гостю сердцем привязалась.
Наконец, пришла пора.
Минский в путь засобирался,
До полудни у двора
Он с Самсоном попрощался,
Было сел уже в карету,
Вдруг Дуняша разодета
Шла к обедне.

И гусар

Вспыхнул ликом, как пожар,
Подойдя к девице прямо,
Произнёс: прошу, Вас, miss
В местный маленький круиз
От почтовой впрямь до храма.
Дуня несколько смутилась,
Но подъехать согласилась.
Кони с ходу, с места вскачь,
Бьют копытами дорогу...
Ну а Вырину хоть плачь
Сердце чувствует тревогу.
На душе «скребутся кошки».
Он коня впрягает в дрожки
Да за ними гонит вслед,
Ну а Дуни в храме нет.
Что же делать? Вот беда!
О, Господь! - взмолился старый. -
Что ж за люди нынче бары,
Нет ни чести, ни стыда?
Так молясь и бар кляня,
Повернул Самсон коня...
Мчат обратно экипажи
По дороге столбовой,
А Самсон стоит на страже,
Ждет родимую домой...
Ямщики всё жмут плечами:
Не слышали;

Не встречали...
Но один лихой возница
Перед Выриным божится,
Дескоть видел где-то он
На почтовой, вёрст за тридцать,
Шла с гусаром молодица
И садилась в фазтон.
...Вырин за сердце схватился
Тут же наземь и свалился.

6

Провалившись много дней,
Распродав с подворья птицу,
Вырин к дочери своей
Отправляется в столицу.
Шёл пешком с ночлегом в поле.
Шёл он месяц или боле,
Наконец, увидев вдруг,
Стольный город Петербург.
Отыскал он сослуживца,
Рассказал свою беду,
Только как же я найду
Здесь гусаришку — паршивца? -
Сокрушался Вырин в горе. -
Тут домов!.. Народу море!..
Обошли они с Самсоном
Все притоны.
Все квартиры
И нашли сию персону
При Дамутовом трактире.
В день грядущий на пороге
Ожидал Самсон в тревоге
Дорогой дочерней встречи... -
Уж слышны за дверью речи
И лакея,
И господ. -
Доносился голос грубый:
Дай, Антошка, ему рубль
И пускай себе идет
Барин старый просит Вас,
Как же дать ему отказ?
Ладно.
- Ладно п...шел вон прочь,-

На лакея цыкнул властно
Голос прямо, точь как в точь
И надменный,
И ужасный,
Так же злобен и противен,
Как его запомнил Вырин.
Тут же следом дверь открылась,
Вырин к двери: «Ваша милость!
Не губите старика...»-
И хотел продолжить было,
Но ротмистр взглянул брезгливо
И, узнав наверняка,
Подтолкнул его за штору,
Что пылилась в коридоре.
А теперь валяй, что хочешь?
Только тихо, не шуми.
Ходишь, голову морочишь,
Деньги надо? - так возьми.
Минский вынул из халата
Ассигнаций пачку смятых,
Сунул Вырину в кафтан,
Прошептал: Бери, болван.
Ваша светлость, очень тронут...
Не за тем я к вам пришел.
Вам, понятно, хорошо,
Ну а мне, хоть прыгай в омут,
На коленях Вас молю,
Возвратите дочь мою!
Уж натешились порядком,
Взяли всё с нее сполна...
Ей, поди, у Вас не сладко,
Ну а мне — совсем хана.
Да простит господь мне дерзость.
Вырин смолк. - А Минский: Мерзость
Совершил я, знаю сам,
Но ее я не отдам.
Я люблю ее, поймите,
И, свершил свой тяжкий грех
Уж совсем не для потех,
А для блага Дуни. Ты же...
Минский, слов обрушил град... -
Тащищ снова дочь в ад.
Уходи, старик, не мучай
Ни себя,

Ни свою дочь.
Бог даст, выпадет мне случай,
Я смогу тебе помочь.
Не суди меня так строго.
Ну, прощай же, сударь, с богом!...
И побрел старик угрюмо
С болью в сердце, с тяжкой думой.
Все смешалось в голове:
В душу, будто наплевали,
Словно, боры обобрали
На своей родной земле.
Он не мог себе представить,
Как же жить теперь он станет?

7

Вырин думал: «Как же так,
Дочь моя — а он хозяин?..
Пусть уж я старик — дурак,
Но ведь Минский он же барин,
Дворянин, ротмистр, кадет...
А ведёт себя, как смерд,
Словно вор, в державном граде
Держит барышню в накладе
Для забавы и разврата.
Этот пёс в самой столице
Над народишком глумится
По всем меркам супостата,
Беззаконие творя,
Впрямь под носом у Царя.
И таких прохвостов много, -
Буркнул Вырин — всех не счесть,
Рыщут всюду по дорогам,
Потеряв людскую честь.
Бедных барышень в рассвете,
Как вальдшнепов ловят в сети,
И везут в особняки,
Не спрося у них руки,
С ними тешатся, живут,
А затем заводят новых
И плодят рабынь дворовых,
Кои улицы метут.
И плевать им на закон,
Коль за ними Царь и трон...

Проболевши суток двое,
Через силу Вырин встал.
Побродил по-над Невою,
В храме божьем побывал,
Помолился в храме богу
И в обратную дорогу
Стал пожитки собирать,
Но душа рвалась опять
Всё туда ж, к дитю родному...
И не выдержал Самсон,
Сев на дрожки, снова он
Едет к проклятому дому.
И опять у той же двери
Он дрожит, как лист осенний.
Но напрасно. Нет ротмистра.
Объяснил ему лакей. -
Он собрался, дескать, быстро
И отъехал. Может к ней?...
Где она? - схватился Вырин, -
Где ж ей быть? - живёт в трактире,
Только, право, вот в каком?
С тем я, сударь, не знаком.
Вырин вышел сам не свой,
Поглядел на все четыре
И пошёл считать трактиры
По булыжной мостовой.
Гул да шум, пестрят афиши,
Но Самсон того не слышит.
На пролётках и пешком
Исходил он пол столицы;
Катит пот с него ручьём;
Солнце к западу клонится;
И устал уже изрядно,
Вдруг, у двери у парадной
Видит: важно, как министр,
Сходит с дрожек сам ротмистр.
И глазам своим не веря,
Вырин следом, да за ним,
Как заправский аноним
И, тайком нырнув за двери,
За гусаром по пятам
Подошёл к её вратам.
В приоткрытый смотрит створ:
В глубине большого зала

Видны роскошь и убор;
Два наполненных бокала,
Лёгкой пенкою кипят...
И куда не бросит взгляд -
Там ковры;
Там бархат шторы;
Серебром горят приборы;
Чистота везде, уют;
Притемнённая подсветка
И в цветных висячих клетках
Птички «райские» поют...
Но Самсону не до «рая». -
Ему дочь нужна родная.

8

Только где ж она? Не видно,
Плянул мельком на постель... -
От такой мыслишки стыдно,
Как — никак родная дочь,
Но ведь в том вся соль и есть,
Чтоб беречь и дочь, и честь, -
Промелькнуло в голове.
Вдруг он видит в глубине
Ненавистного гусара
На диване в полумраке
В франтоватом белом фраке,
А на поручне дивана
Дуня рядом с ним сидит
Ручкой кудри шевелит.
Вот беда — то.
Вот дела.
У отца тут думки роём... -
Как она теперь мила;
Как божественна;
Бюст строен;
Брови — дуги;
Пух — ресницы;
Лён волос волной струится;
Бусы — жемчуг;
Серьги — злато;
Платьем талия обжата;
На руках блестят браслеты;
Кольца, перстни, брошь сияет...

И глядит Самсон вздыхает.
Как красива!
Как одета!
... Давят спазмы, и глаза
Затуманила слеза.
И обидно.
И печально.
И врагу не дай так бог.
Дуня глянула случайно
И без чувств свалилась с ног.
А гусар схватил Самсона,
Тут же выставил из дома,
Учинив при том разнос...
Ну, скажи, какой курьез!
Отошёл в сторонку Вырин,
А в душе и боль, и стыд
И заплакал впрямь навзрыд.
В первый раз он был бессилен,
Совладать не мог с собой
И в слезах побрёл домой.
Возвратясь в свою обитель,
Прослуживши год иль два,
Запил с горя, наш смотритель,
На развал пошли дела:
Промотал своё хозяйство,
Притеснять стало начальство,
А затем один удел -
Отстранили и от дел.
Сдался Вырин, опустился.
Год иль два ещё маячил:
Попрошайничал, батрачил...
А затем совсем он спился.
По пивным всё да по барам...
И скончался от угара.
Знали Вырина в селении.
Уважали мужика.
И по божьему велению
Схоронили старика
В ряд с покойною старухой.
...Пусть земля им будет пухом.
И пора б поставить точку
Про Самсона и про дочку.
Всё забылось с той поры.
Вдруг прямо к выринскому дому

Подкатила (всем знакома)
Дама с кучей детворы
На упряжке в шесть коней
И с кормилицей своей.
Дама знатна и богата,
Но, как божий день, проста.
С нею милые барчата,
Как картинки все с лица...
Но однако ближе к делу
Словно птицею летела
Госпожа в заветный двор,
Но теперь всё чуждо в нём:
Дом запущен,
Сад зарос,
А вокруг - печаль, да жалость...
И она с отцом прощалась,
Не скрывая горьких слёз.
На могилу павши ниц,
Прорыдала до зарниц

...

Ванька!
Я — те погоди-ка!...
Где ты бродишь, рыжий пёс?
Ну-ка барина своди-ка
До Самсона на погост, -
Пивовариха пропела
Тонким, зычным голоском.
Ванька ей гримасу сделал,
Развернулся вмиг волчком
И пошёл с поэтом рядом,
Измеряя его взглядом.
И покамест шли, тот Ваня
Рассказал про всё и вся:
Как барчат кормила няня,
Тихо, ласково ворча,
Как ямщик лошадок холил;
Чистил сбрую, ладил ход,
Как встречали хлебосольно
Люди, знавшие господ.
Вспомнил даже, как за так
Госпожа дала пятак.
И поэт для пользы дела

Дал мальчонке пятак.
Семь рублей уж не жалел он
За лошадок и возок.
Погрузившись в размышление,
Пушкин молвил: « Дай им бог:
Дуне — воли и терпения;
Чадам — праведных дорог;
Предкам вечного покоя.
Да свершится божья воля!»

1996 год

СОДЕРЖАНИЕ:

СТИХИ О ВОЙНЕ

• Я прошу тебя память...	4
• Мамаев курган	4-5
• Не спят руины на холме	5
• Ветераны	6-8
• Я помню...	8
• Я помню, как пели «Катюшу»	8-9
• Война закончилась...	9
• Никто не забыт, и ничто не забыто	9-10
• Он был солдат в войне кровавой	10-11
• Может быть	11-12
• Отчизна победой дышала	12

СТИХИ О РОДИНЕ

• Милая родина	13
• Склоняю голову покорно	13
• Кто она?	14
• Пока будет армия – будет Россия...	15
• Веснину	15
• Музей	15-17
• Ты – журналист! (посвящается памяти Влада Листьева)	17-18
• Нынче впрямь мужик не тот	18-19
• Жаль мне Отечество	19-20
• Чтобы жить, как люди	20-21
• Казнокрад на Руси – вещь обычная	21-23
• Платим неустойку мы...	23-24
• Где ж ты, истина, бродишь, проклятая?...	24-25
• Всему своё	25-26
• Разнос	26-27
• Я видел фермеров своих	27-29
• Россия так устроена	29
• Тюрьма	29

СТИХИ О ПРИРОДЕ

• Зимнее	30
• Торжество и печаль в увядании	30-31
• Журавли	31-32
• Осень	32
• О звёздный мир	32
• Старый тополь	33-35
• А я жду и верю я ...	35

СТИХИ О РАЗНОМ

• <u>Спасибо тебе, женщина!</u>	36
• <u>Спит Наташка</u>	37
• <u>Последний поход «Комсомольца»</u>	37-38
• <u>Погиб поэт...</u>	38-39
• <u>Гори, гори огонь во мне</u>	40

ПОЭМЫ

• <u>Славяне (О Русь! Земля отцов моих)</u>	41-91
• <u>Ночь на поле Куликовом</u>	92-109
• <u>Бэла (По мотивам романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (повесть «Бела»)</u>	110-134
• <u>Буря (По мотивам повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель»)</u>	135-153

Отпечатано ООО "Буденновская Типография", г. Буденновск, ул. Ленинская, 3, тел.:
8(86559) 7-20-43 Заказ № 403, Тираж 100 шт.

Подписано в печать 4.02.2015 г. Формат 1/16 60x84. Условно печатанных листов
9,75. Бумага офсетная.

